BS
1930

РЕЛИГІЯ И ЦЕРКОВЬ
ВЪ СВѢТѢ
НАУЧНОЙ МЫСЛИ И СВОБОДНОЙ КРИТИКИ.

Кн. 7-я.

Н. Никольскій.

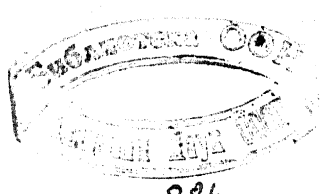
Царь Давидъ

и

ПСАЛМЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1908.

1г



886
37

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Введеніе 5

II. Внѣшній обзоръ книги псалмовъ 9

III. Вопросъ о псалмахъ Давида и его пѣвцовъ 12

IV. Религіозная исторія Израиля послѣ Давида 29

V. Псалмы эпохи іудейскаго царства и эпохи плѣна . . . 41

VI. Псалмы эпохи общины второго храма 48

VII. Историческое значеніе псалмовъ.—Техническое строеніе псалмовъ 70

Литература и переводы 76

Примѣчанія 78

Хронологическій указатель псалмовъ 83

Н. НИКОЛЬСКІЙ.

Царь Давидъ и псалмы.

I. Введеніе.

Еврейская литература не въ примѣръ прочимъ литературамъ древняго міра пользуется у насъ широкою, хотя въ то же время и странной извѣстностью. На школьной скамьѣ мы знакомимся съ произведеніями греческой и римской литературы; но тѣ изъ насъ, кто впослѣдствіи становится далеко отъ филологіи и исторіи, скоро теряетъ тѣ жалкіе отрывки знанія античныхъ классиковъ, которые даетъ современное гимназическое преподаваніе; самое большее, въ памяти удерживаются крайне неопредѣленныя представленія о гомеровскомъ эпосѣ и, быть можетъ, о Титѣ Ливіи. На школьной же скамьѣ насъ знакомятъ и съ еврейской литературой, но это знакомство имѣетъ специфическій характеръ, и благодаря этому оно дольше и тверже, хотя и крайне причудливо, хранится въ памяти. Ранняя христіанская церковь признала іудейскій канонъ, т. е. бо́льшую часть произведеній древней еврейской и іудейской литературы, божественнымъ откровеніемъ, ветхимъ завѣтомъ рядомъ съ новымъ завѣтомъ, образовавшимся постепенно изъ произведеній христіанской литературы. Церковь создала, а традиція сохранила до нашихъ дней и во всѣхъ церквахъ представленіе, что христіанство вышло изъ іудейства, которое есть предуготовительная къ христіанству ступень. Исходя изъ этого представленія, христіанская мысль прибѣгала къ помощи оригинальнаго метода толкованія произведеній еврейской литературы, чтобы примѣнить ее къ оправданію и доказательству основныхъ христіанскихъ догматовъ: къ методу отысканія таинственнаго скрытаго смысла тѣхъ или иныхъ мѣстъ еврейской литературы, которыя такимъ путемъ пріобрѣтали значеніе христологическихъ пророчествъ и прообразовъ. Съ этой

точки зрѣнія цѣлый рядъ не только мѣстъ, но и персонажей и событій, описываемыхъ въ еврейской литературѣ, пріобрѣлъ совершенно неожиданный смыслъ. Мы всѣ ихъ знаемъ: это и судьба младенца Моисея, и сорокалѣтнее странствованіе евреевъ по пустынѣ, и мѣдный змѣй, и борьба Давида съ Голіаѳомъ, и Даніилъ во рву львиномъ, и Іона во чревѣ «кита» (собств. *большой рыбы*), и эротическая «Пѣснь Пѣсней», и безчисленныя цитаты изъ пророковъ. А въ завершеніе всего, наивное сказаніе о раѣ и грѣхопаденіи (Быт. II, 2-а—III), носящее очевидное вавилонское вліяніе и даже, быть можетъ, заимствованное изъ вавилонскаго цикла сказаній о началѣ міра и человѣчества, было истолковано, какъ прологъ великой драмы спасенія людей чрезъ Христа, сына божія, который своею смертью, какъ безгрѣшный, удовлетворилъ божественную справедливость, ставъ замѣстителемъ всѣхъ людей, которые когда бы то ни было вѣрили, вѣрятъ и будутъ вѣрить въ истиннаго бога.

Съ этой же точки зрѣнія на урокахъ закона божія намъ преподается исторія евреевъ («священная исторія ветхаго завѣта») и даются представленія о еврейской литературѣ, ея характерѣ и значеніи. Попутно мы, согласно традиціи, узнаемъ, кто и когда составилъ отдѣльныя произведенія ветхозавѣтной литературы; но долго на этомъ мы не останавливаемся, ибо разъ даже каждое слово внушено свыше духомъ божіимъ, то какое значеніе могутъ имѣть имя лица, писавшаго по указаніямъ духа, и дата его жизни? И, окончивъ школу, мы часто вспоминаемъ эти уроки, гораздо чаще, чѣмъ уроки латыни и греческаго языка. Одни изъ насъ, и таковыхъ большинство, быстро проникаются религіознымъ индифферентизмомъ или скептицизмомъ; другіе сохраняютъ настолько наивности, чтобы продолжать вѣрить. Но и тѣ и другіе недалеко уходятъ другъ отъ друга по части представленія о еврейской литературѣ. Скептики, конечно, смѣются надъ прообразами и пророчествами, но нерѣдко продолжаютъ думать, что пятикнижіе составилъ Моисей, а псалмы—Давидъ, и не прочь иногда привести цитату изъ еврейской литературы, чтобы поставить втупикъ своихъ вѣрующихъ противниковъ. Послѣдніе, понятно, первое время упорно защищаютъ традицію, а затѣмъ, не будучи въ силахъ

ее защищать и не имѣя возможности познакомиться съ протестантской критической школой, умѣющей сочетать воедино критическую науку и догматическую религію, бросаются въ изученіе метафизики, въ области которой скоро забываютъ о Давидѣ, и о Моисеѣ, и о Соломонѣ.

Если таковы представители нашей средней интеллигенціи, то что сказать о представителяхъ тѣхъ классовъ, которые по своему умственному развитію и образованію стоятъ ниже? Тамъ мы можемъ встрѣтить либо апріорную вѣру безъ оглядки, либо апріорный же атеизмъ безъ оглядки. Тамъ либо иронизируютъ, либо молятся. Тамъ еще менѣе путей, чѣмъ въ средѣ интеллигенціи, для знакомства съ критическими научными взглядами на сущность и исторію еврейства и на происхожденіе христіанства. Однако, потребность эта тамъ едва ли не больше, чѣмъ въ средѣ интеллигенціи. Послѣдняя такъ или иначе, какъ счастливая дочь буржуазіи, имѣетъ возможность вообще познакомиться съ тою или другою отраслью науки. Она уже, такъ сказать, интоксирована критическимъ ядомъ и по чутью можетъ угадать или почувствовать многое, даже не имѣя реальныхъ данныхъ въ своемъ распоряженіи. Напротивъ, въ низахъ рѣдко является возможность такой интоксикаціи. Наши образовательныя учрежденія, разсчитанныя на широкіе народные круги, вянутъ, не успѣвши расцвѣсть.

Пишущій эти строки желалъ бы, чтобы предлагаемый имъ очеркъ о псалмахъ помогъ всякому желающему оріентироваться въ вопросѣ о еврейской литературѣ и ея значеніи. Онъ далекъ, конечно, отъ указаннаго уже взгляда протестантскаго богословія, которое посредствомъ критической разработки ветхозавѣтной и новозавѣтной литературы хочетъ извлечь оттуда «вѣчное» и «всеобщее» и создать научно-обоснованную христіанскую религію. Поступать такъ значитъ подражать средневѣковой схоластикѣ, превращать науку въ служанку религіи. Авторомъ настоящаго очерка руководитъ только стремленіе къ научному познанію. Предъ лицомъ науки, въ извѣстномъ смыслѣ, нѣтъ разноцѣнныхъ величинъ, но всѣ одинаково равноцѣнны въ томъ смыслѣ, что каждая одинаково доступна ея изученію при помощи общепринятыхъ въ наукѣ методовъ. Съ этой точки зрѣнія наука должна смотрѣть и на еврейскую ли-

тературу. Послѣдняя есть одна въ числѣ многихъ, какъ и еврейская и христіанская религія суть только индивидуальныя явленія опредѣленной категоріи фактовъ. И наука перестанетъ быть сама собою, если она извѣстное индивидуальное явленіе возведетъ на степень «вѣчнаго» или «всеобщаго», какъ то дѣлаетъ протестантская критическая школа. Истинно религіозный человѣкъ никогда не согласится основывать свою вѣру на критикѣ человѣческаго разума—такимъ образомъ, унижая науку протестантская критическая школа не въ силахъ много помочь и религіи. Религія есть фактъ не разсудка, а чувства.

Почему для темы настоящаго очерка избранъ вопросъ о псалмахъ? Авторъ при этомъ выборѣ руководился цѣлымъ рядомъ соображеній. Ему хотѣлось избрать такое произведеніе еврейской литературы, которое, съ одной стороны, пользовалось бы болѣе широкой фактическою извѣстностью (не только по наслышкѣ), чѣмъ другія, и которое, съ другой стороны, давало бы возможность болѣе или менѣе успѣшно оріентировать читателя вообще въ вопросахъ ветхозавѣтной критики; наконецъ, нужно было подыскать такое произведеніе, которое само по себѣ заслуживало бы ознакомленія. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворило бы пятикнижіе; однако, вопросъ о составѣ и времени происхожденія пятикнижія настолько сложенъ и предполагаетъ такую подготовку читателя, что въ первую голову трактовать его для нашей публики автору казалось рискованнымъ. Общею извѣстностью пользуется Іовъ; но книга, названная его именемъ, мало удовлетворяетъ второму условію, такъ какъ слабо связана съ остальною еврейскою литературою. Пророковъ у насъ знаютъ больше по именамъ, чѣмъ въ дѣйствительности; но писать о нихъ въ сущности значило бы написать всю исторію Израиля до плѣна. Оставались псалмы, вошедшіе, какъ неотъемлемая часть, въ составъ христіанскаго богослуженія; они много читаются и внѣ церкви. Въ то же время вопросъ о происхожденіи псалмовъ даетъ возможность освѣтить цѣлый рядъ основныхъ вопросовъ библейской критики и исторіи, а сами псалмы являются типичными образцами еврейской поэзіи, причемъ нѣкоторые изъ нихъ выдѣляются, какъ шедевры поэтическаго искусства. Въ виду послѣдняго, авторъ, въ заключеніе своего историко-критическаго очерка, предла-

гаетъ читателю краткія замѣчанія о технической сторонѣ еврейской поэзіи, а въ текстѣ даетъ опытъ научнаго перевода цитатъ изъ нѣсколькихъ выдающихся псалмовъ.

II. Внѣшній обзоръ книги псалмовъ.

Традиціонное мнѣніе таково, что, по крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть псалмовъ составлена царемъ-псалмопѣвцемъ Давидомъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, правильно ли такое представленіе; сейчасъ же приступимъ къ изслѣдованію вопроса о псалмахъ такъ, какъ будто бы намъ ничего о нихъ неизвѣстно, и какъ будто мы открываемъ книгу псалмовъ въ первый разъ. Въ противномъ случаѣ, если мы попытаемся примѣнить къ изслѣдованію вопроса о псалмахъ имѣющіяся у насъ отрывочныя традиціонныя свѣдѣнія, мы этимъ не только не облегчимъ, но лишь загородимъ себѣ дорогу.

Книга псалмовъ (sepher tehillim)—такъ называли раввины-талмудисты первую книгу третьей части еврейскаго канона, состоящаго изъ *закона* (tora—пятикнижіе), *пророковъ* (nebhiim—кн. Судей, Самуила, Царей и пророки, кромѣ Даніила) и *писаній* (kethubhim—остальныя книги ветхаго завѣта). Итакъ, псалмы стоятъ во главѣ kethubhim и первоначально назывались, вѣроятно, по первому слову книги. Въ еврейскомъ текстѣ псалмы въ свою очередь дѣлятся на пять книгъ: 1—41, 42—72, 73—89, 90—106, 107—150. Въ греческомъ переводѣ LXX этого дѣленія нѣтъ, оно, повидимому весьма поздняго, чисто богослужебнаго происхожденія, такъ какъ въ концѣ каждой изъ первыхъ четырехъ книгъ стоитъ одинаковое славословіе: «да будетъ благословенъ Ягве, богъ Израиля, вѣчно, аминь»; 150-ый же псаломъ является ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же славословіемъ, лишь болѣе подробно развитымъ. Далѣе, необходимо заранѣе оговориться относительно счета псалмовъ. Именно, при одинаковомъ общемъ числѣ псалмовъ (150), еврейскій текстъ и переводъ LXX, съ котораго сдѣланъ русскій переводъ, расходятся въ нумераціи отдѣльныхъ псалмовъ. 9 и 10 псаломъ еврейскаго текста у LXX составляютъ одинъ 9 псаломъ: слѣдовательно, послѣ этого псалма и до пс. 114 счетъ

LXX отстаетъ отъ счета еврейскаго текста на одинъ нумеръ, такъ что, напр., общеизвѣстные пс. 50 и 90 по еврейскому счету будутъ 51 и 91. 114 и 115 пс. въ переводѣ LXX слиты въ одинъ псаломъ (по счету LXX—113); 116 псаломъ, наоборотъ, раздѣленъ на два: 116, 1 — 9 = 114 LXX и 116, 10 — 19 = 115 LXX. Счетъ уравнивается снова на псалмѣ 147: 147, 1 — 11 = 146 LXX и 147, 12 — 20 = 147 LXX. Это замѣчаніе необходимо имѣть въ виду, такъ какъ въ очеркѣ принята обычная въ наукѣ нумерація оригинальнаго еврейскаго текста, и читателю, при справкахъ съ русскимъ псалтиремъ, придется производить самому указанную поправку нумераціи.

Если теперь мы обратимся къ отдѣльнымъ псалмамъ собранія, то, не останавливаясь пока на содержаніи, замѣтимъ, что каждый почти псаломъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, начинается примѣчаніями, не имѣющими никакой органической связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ псалмовъ. Эти примѣчанія различнаго рода. Во первыхъ, они указываютъ на имена, повидимому, авторовъ псалмовъ. Имя Давида стоитъ во главѣ 73 псалмовъ; имя Моисея—при пс. 90; имя Соломона при пс. 72 и 127; имя Асафа — при 12 псалмахъ, имя сыновъ Кора (Korah)—при 11 псалмахъ; имя Гемана, сына Езры—при пс. 88; имя Еѳана, сына Езры—при пс. 89. Эти обозначенія не всегда тверды: LXX приписываютъ Давиду еще 9 псалмовъ, отнимаютъ у Соломона пс. 127, въ пс. 137 рядомъ съ Давидомъ называютъ Іеремію, въ пс. 138 — рядомъ съ Давидомъ Аггея и Захарію и приписываютъ послѣднимъ еще псалмы 146—148. Далѣе, начальныя примѣчанія указываютъ разрядъ произведенія. Это или tehilla (пс. 145)—*хвалебная пѣснь*, tephilla (пс. 90, 102, 142)—*молитва*, или schir—*пѣснь*, въ цѣломъ рядѣ псалмовъ, или mizmor (такъ обозначены 53 псалма)—*пѣснь*, но спеціально религіознаго содержанія. Иногда указывается напѣвъ, по которому псаломъ слѣдуетъ пѣть, причемъ обозначается пѣснь, напѣвъ которой долженъ служить образцомъ; таковы указанія на пѣснь о лани и утренней зарѣ въ пс. 22, на пѣснь о голубкѣ на далекомъ Теревинѳѣ въ пс. 56 и на пѣснь о лиліяхъ въ пс. 45 и 49. Часто обозначаются инструменты, которые должны служить для аккомпанимента. Есть цѣлый

рядъ литургическихъ указаній, очень темныхъ. Наконецъ, каждый изъ 15 псалмовъ подрядъ (120 — 134) обозначенъ, какъ schir hammahaloth—пѣснь во время паломничества, пѣснь пилигримовъ. Есть при нѣкоторыхъ псалмахъ указанія историческаго характера. Эти указанія мы разсмотримъ при случаѣ въ слѣдующей главѣ.

Что еще можетъ дать внѣшній обзоръ книги псалмовъ? Не входя даже въ разсмотрѣніе содержанія псалмовъ, мы уже видимъ, что книга составилась по частямъ, изъ болѣе раннихъ собраній. Такихъ собраній можно различать нѣсколько. Наиболѣе ясно и безспорно выдѣляются три собранія: 1) собраніе псалмовъ, обозначенныхъ именемъ Давида, именно почти всѣ псалмы 1 книги, за исключеніемъ пс. 1, 2, 10 (который первоначально, какъ видно изъ текста LXX и техническаго построенія псалма, составлялъ одно цѣлое съ псал. 9) и 33 и слѣдующіе псалмы 2 книги: 51—65, 68—70, причемъ въ заключеніе 2 кн. говорится: «кончились молитвы Давида, сына Исаи»; 2) собраніе псалмовъ, обозначенныхъ именемъ Асафа: 50; 73 — 83 3) собраніе пѣсенъ пилигримовъ, указанное выше. Различаютъ еще собранія, но за предѣлами трехъ указанныхъ группъ поле безспорнаго кончается и начинаются уже споры.

Это первое общее заключеніе, которое мы можемъ вывести изъ внѣшняго обзора псалмовъ. Второе общее заключеніе состоитъ въ томъ, что книга псалмовъ въ ея теперешнемъ видѣ есть собраніе богослужебныхъ пѣсенъ, исполнявшихся хоромъ, подъ аккомпаниментъ различныхъ инструментовъ во время богослуженія въ храмѣ. При этомъ нѣкоторые псалмы имѣли спеціальное назначеніе, напр. пс. 3—утренняя пѣснь, пс. 4—вечерняя пѣснь, пс. 30—на праздникъ освященія храма, пс. 81—на праздникъ кущей и др. Такое же впечатлѣніе оставляетъ въ насъ и бѣглое знакомство съ содержаніемъ псалмовъ. Только одинъ псаломъ, 45, свѣтскаго содержанія—это свадебный гимнъ въ честь царя. Всѣ остальные псалмы въ большей или меньшей степени окрашены религіознымъ характеромъ. При этомъ мы замѣчаемъ нѣсколько псалмовъ, составленныхъ по поводу историческихъ событій: пс. 137—эпохи плѣна, пс. 74, 79—во время осады города (Іерусалима) и нѣк. другіе; далѣе, черезъ

всю книгу проходитъ весьма многочисленная группа псалмовъ, жалующихся на счастье грѣшниковъ, которые преслѣдуютъ и мучатъ праведныхъ, напр. пс. 36—40, 54—59, 71, 76, 77, 86, 90 и мн. др. Наконецъ, двѣ группы псалмовъ имѣютъ чисто богослужебное содержаніе: это хвалебныя (halleluja) пѣсни 146—150 и нѣк. др. Остальные псалмы такъ или иначе трактуютъ религіозные вопросы.

Послѣ этого бѣглаго обзора псалмовъ, весьма сухого, но необходимаго для дальнѣйшей ориентировки, мы переходимъ къ детальному разбору вопросовъ о времени происхожденія и характерѣ псалмовъ.

III. Вопросъ о псалмахъ Давида и его пѣвцовъ.

На чемъ основывается традиція, приписывающая всѣ псалмы или бо́льшую ихъ часть Давиду? Прежде всего на обозначеніяхъ имени Давида, далѣе, на томъ, что всѣ псалмы, ничьимъ именемъ не обозначенные, принадлежатъ ему же, наконецъ, его же считаютъ духовнымъ отцомъ и псалмовъ, обозначенныхъ именами Асафа, сыновъ Кора, Еѳана и Гемана, такъ какъ по I Хроникъ XV, 17 *) Асафъ былъ начальникомъ хора при Давидѣ, и Давидъ же организовалъ пѣвческую часть при богослуженіи, такъ что послѣдующіе хормейстеры и музыканты, сыны Кора, Еѳанъ и Геманъ ведутъ свою родословную изъ временъ Давида. Самъ Давидъ былъ хорошимъ музыкантомъ, и традиція приводитъ нѣсколько пѣсенъ, составленныхъ имъ.

Если бы можно было положиться на обозначенія именъ, или, говоря иначе, если бы можно было непреложно установить, что эти обозначенія указываютъ на авторовъ псалмовъ, то вопросъ объ ихъ эпохѣ былъ бы рѣшенъ. Но къ сожалѣнію, мы сейчасъ увидимъ, что эти обозначенія крайне ненадежны.

Въ предшествующей главѣ мы указывали, что эти обозначенія блуждаютъ: еврейскій текстъ и переводъ LXX приводятъ ихъ иногда при различныхъ псалмахъ. Однако, признаемъ это блужданіе не столь существеннымъ и разсмотримъ эти обозначенія поближе. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе

*) Въ перев. LXX кн. Хроникъ называется кн. Паралипоменонъ.

грамматическая конструкція. Въ еврейскомъ языкѣ склоненій нѣтъ, и для обозначенія имени якобы автора псалма при всѣхъ именахъ употребленъ предлогъ l^e (*mizmor l^edawidh, l^e'asaph, libⁿe korah*). Толкуютъ это l^e, какъ l^e auctoris; но нигдѣ, кромѣ псалмовъ, такое употребленіе предлога l^e не имѣетъ мѣста. Вслѣдствіе этого нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что это l^e надо толковать иначе. Согласимся, что доводы противниковъ l^e auctoris неубѣдительны и допустимъ на минуту, что l^e указываетъ на автора псалма. Возьмемъ псаломъ 5, обозначенный *l^e dawidh*; въ ст. 8 читаемъ: «я долженъ пасть ницъ въ страхѣ передъ тобой (Ягве), передъ твоимъ святымъ *храмомъ*»; въ пс. 138,2 повторяется почти буквально та-же фраза; пс. 63,3 и 69,10 также содержатъ указанія на храмъ. Какъ мы знаемъ, храмъ былъ впервые построенъ лишь при преемникѣ Давида, Соломонѣ. Возьмемъ пс. 14 и 51, также обозначенные именемъ Давида. И тотъ и другой псаломъ написаны въ эпоху плѣна; авторы ихъ мечтаютъ о возстановленіи Сіона и храма, лежащихъ въ развалинахъ (14,7 и 51,20—21). Очевидно, эти псалмы не могутъ принадлежать Давиду. Пс. 74, обозначенный *le'asaph* изображаетъ Іерусалимъ и храмъ, разоренные языческими врагами— ситуацію, при Давидѣ не имѣвшую мѣста; та же самая ситуація изображена въ пс. 79, 80 и 83, также обозначенныхъ *le'asaph*. Эти примѣры показываютъ, что обозначенія именъ крайне ненадежны, во всякомъ случаѣ не исходятъ отъ авторовъ псалмовъ, а прибавлены чужою рукою, по всей вѣроятности тою же, которая прибавила литургическія и музыкальныя примѣчанія. Въ подлинности указаній на имена сомнѣвался еще Ѳедоръ Мопсуетскій (церковный писатель IV в.), и подъ вліяніемъ его авторитета въ сирійскомъ переводѣ библіи (т. наз. Peschita) еврейскія примѣчанія опущены и замѣнены заглавіями, сообразно съ содержаніемъ псалмовъ. Приходится отказаться отъ попытки положиться на обозначенія именъ и прибѣгнуть къ какому либо иному методу.

Для того, чтобы окончательно рѣшить, имѣлъ ли Давидъ или его современники какое-нибудь отношеніе къ составленію псалмовъ, или слѣдуетъ искать корни ихъ въ другой эпохѣ, намъ прежде всего необходимо познакомиться съ самимъ Давидомъ, религіозными учрежденіями и характеромъ религіи его

эпохи и сопоставить полученные результаты съ содержаніемъ псалмовъ. Для этой цѣли обратимся къ I и II кн. Самуила (по терминологіи LXX—I и II Царствъ) и къ I кн. Царей (у LXX—III Царствъ), гдѣ использованы народныя преданія о Давидѣ и лѣтопись, которая велась при его дворѣ [1]).

Это было за 1000 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. Израильскій народъ долженъ былъ вести тяжелую борьбу за существованіе въ странѣ Кенаанъ, гдѣ онъ поселился лѣтъ 250 тому назадъ. Израиль еще не представлялъ изъ себя единаго народа и царства. Онъ распадался на цѣлый рядъ племенъ («колѣнъ»), имена которыхъ послѣдующая легенда присвоила сыновьямъ прародителя израильскаго народа, Іакова, прозваннаго будто бы Израилемъ. Племена враждовали между собою и соединялись только во время опасности. Незадолго до 1000 года до Р. Х. такая опасность была и притомъ весьма грозная. Родственное евреямъ племя филистимлянъ покорило сѣверныя еврейскія племена и обложило ихъ тяжелою данью. Противъ нихъ поднялось возстаніе подъ начальствомъ молодого царя Саула и его сына Іонаѳана. Саулъ выдвинулся впервые побѣдой надъ аммонитянами (I Сам. 11), послѣ чего въ Гилгалѣ народъ провозгласилъ его царемъ. Подъ предводительствомъ Саула и Іонаѳана Израиль свергнулъ филистимское иго; благодаря этому, Саулъ сдѣлался независимымъ царемъ надъ сѣверными племенами. Таково происхожденіе царской власти у евреевъ.

Какъ мы видимъ, происхожденіе ея чисто военное, вполнѣ аналогичное происхожденію постоянной королевской власти у германцевъ. Функціи царской власти были также исключительно военныя: Саулу пришлось всю жизнь бороться противъ филистимлянъ, не желавшихъ такъ скоро потерять данника; въ концѣ концовъ онъ и погибъ въ этой борьбѣ (I Сам. XXXI). И помимо этого, цѣлый рядъ указаній свидѣтельствуетъ о томъ, что въ лицѣ Саула мы имѣемъ дѣло не столько съ царемъ въ государственно-правовомъ смыслѣ, сколько съ военнымъ вождемъ, выдвинутымъ силою обстоятельствъ и принужденнымъ опираться не на наслѣдственное или иное право, но исключительно на личное вліяніе, создаваемое положеніемъ среди Израиля рода Саула и его личными заслугами. Отецъ Саула, Кисъ, изъ племени Веніамина, былъ родовитый и богатый че-

ловѣкъ (I Сам. IX. 1). Постоянное мѣстопребываніе Саула въ мирное время находилось въ его родномъ селеніи Гибеа, гдѣ онъ подъ развѣсистымъ старымъ тамарискомъ, опираясь на копье и окруженный приближенными дружинниками, держалъ совѣтъ и давалъ аудіенціи (I Сам., XXII, 6 и слѣд.) Дружина Саула состояла отчасти изъ родственниковъ (напр. Абнеръ былъ двоюродный братъ Саула), отчасти изъ пришлой молодежи, которая стекалась со всѣхъ сторонъ къ славному вождю (одинъ изъ дружинниковъ, Доэгъ, былъ даже не еврей, а эдомитянинъ). Въ составѣ дружины Саула былъ и Давидъ, будущій царь, любимый герой еврейскихъ героическихъ преданій.

Давидъ, какъ передаетъ преданіе, выдвинулся послѣ поединка съ филистимлянином Голіаѳомъ (I Сам. XVII. 55—XVIII. 5). Саулъ взялъ его въ свою свиту, онъ состоялъ при Саулѣ оруженосцемъ и услаждалъ его игрою на арфѣ. Саулъ сначала очень любилъ Давида и даже выдалъ за него свою дочь. Но между царемъ и Давидомъ произошло охлажденіе, такъ какъ военные подвиги Давида создали ему широкую популярность, затмившую популярность Саула («Саулъ поразилъ тысячи, а Давидъ—десятки тысячъ»—I Сам. XVIII. 7). Саулъ сталъ подозрѣвать Давида въ стремленіи захватить власть и въ припадкѣ ярости чуть было не убилъ Давида. Тогда послѣдній убѣжалъ отъ царя и сталъ вести бродячую жизнь горнаго разбойника. Онъ гнѣздился со своей шайкой, состоявшей изъ всякаго рода угнетенныхъ людей, въ особенности бѣжавшихъ отъ крѣпостной кабалы (за долги), въ горахъ Адулламъ, въ іудейской пустынѣ. Саулъ пытался его преслѣдовать тамъ, но безуспѣшно. Для характеристики жизни Давида въ пустынѣ приведемъ чрезвычайно яркій разсказъ о Давидѣ и Навалѣ (I Сам., XXV). Навалъ былъ богатый вождь, имѣвшій 3000 овецъ и 1000 козъ, у него была красивая и умная жена Авигаиль, а самъ онъ былъ тупъ и злобенъ. Давидъ послалъ къ нему десять человѣкъ и велѣлъ сказать: ты и твоя семья и все владѣніе твое процвѣтаютъ, ты, какъ слышно, стрижешь теперь овецъ. Твои пастухи пасли скотъ вблизи отъ насъ, и мы ничѣмъ ихъ не обидѣли (они сами засвидѣтельствуютъ это), и поэтому ты долженъ намъ оказать дружбу; итакъ, пришли твоимъ рабамъ и твоему сыну Давиду, что у тебя есть подъ рукою. Навалъ

грубо отвѣтилъ: кто такой Давидъ? много теперь шляется рабовъ, убѣжавшихъ отъ своихъ господъ; развѣ я обязанъ отдавать всякому неизвѣстному встрѣчному вино, хлѣбъ и мясо, приготовленное для моихъ людей, стригущихъ овецъ? Услыхавъ этотъ отвѣтъ, Давидъ приказалъ своимъ товарищамъ вооружиться; 400 человѣкъ пошло съ Давидомъ на Навала, а 200 осталось сторожить лагерь. Между тѣмъ Авигаиль услыхала отъ одного изъ своихъ рабовъ о происшедшей ссорѣ между Наваломъ и посланными Давида. Рабъ сказалъ ей, что Давидъ и его товарищи были съ нимъ всегда дружелюбны, и ночью и днемъ за ними было безопасно, какъ за стѣной. Тогда Авигаиль рѣшила предупредить опасность: приказала довѣреннымъ рабамъ нагрузить ословъ виномъ, хлѣбомъ, заколотыми овцами, зерномъ, плодами маслины и отправилась навстрѣчу къ Давиду. Встрѣча произошла въ горахъ. Давидъ гнѣвно заявилъ ей, что такъ какъ Навалъ заплатилъ ему зломъ за добро, то еще до разсвѣта въ его домѣ не останется въ живыхъ ни одного мужчины. Авигаиль тогда пала передъ разбойникомъ ницъ и сказала: на мнѣ вина, господинъ мой! Позволь сказать рабѣ твоей и подари вниманіе ея словамъ! Пусть не огорчается господинъ мой отъ этого недостойнаго человѣка, Навала, ибо какъ онъ зовется, таковъ онъ и есть: глупецъ онъ (*nabhal*) и полнъ неразумія; а я, рабыня твоя, не видала посланцевъ господина моего. Итакъ, пусть всѣ враги твои будутъ подобны Навалу и всякій, кто захочетъ оскорбить господина моего. Теперь отдай эти подарки, которые рабыня твоя привезла господину своему, людямъ въ свитѣ твоей. Если Ягве пошлетъ милость господину моему, то вспомни о рабѣ своей! Давидъ принялъ подарки и похвалилъ Авигаиль за разумное поведеніе. Когда Авигаиль вернулась домой, то застала тамъ попойку, и самъ Навалъ лежалъ мертвецки пьяный. На другой день жена разсказала ему обо всемъ; на Навала это такъ подѣйствовало, что онъ десять дней былъ, какъ камень, а на десятый день Ягве поразилъ его смертью. Услыхавъ объ этомъ, Давидъ послалъ людей привести Авигаиль, чтобы взять ее себѣ въ жены. Авигаиль немедленно повиновалась. Это, заботливо прибавляетъ легенда, была третья жена Давида: первая была Михаль, дочь Саула, которую Саулъ послѣ бѣгства Да-

вида отдалъ другому, вторая была Ахиноамъ, изъ Іезрееля; Авигаиль стала женою Давида одновременно съ Ахиноамъ (I Сам., XXV, 43). Отъ преслѣдованій Саула Давиду пришлось, однако, въ концѣ концовъ искать спасенія въ филистимской странѣ; онъ отправился къ Ахису, вождю изъ Гата. Тотъ принялъ Давида съ распростертыми объятіями и далъ ему городъ Сиклагъ, гдѣ Давидъ и жилъ со своими товарищами и женами до смерти Саула (I Сам. XXVII).

Итакъ, передъ нами страничка чрезвычайно знакомая. Вмѣсто кроткаго царя-псалмопѣвца, передъ нами родной братъ цѣлаго ряда предводителей бѣглыхъ людей, искавшихъ себѣ воли и богатства. Параллели приводить не приходится; онѣ сами просятся на уста. Эти разсказы о Давидѣ бросаютъ еще нѣкоторый свѣтъ на состояніе израильскихъ племенъ въ эту эпоху. Классовая дифференціація уже началась; старинное равенство и свобода, подобныя германскимъ, уже стали отходить въ область преданій. Чувствуется, что начинается закрѣпощеніе мелкихъ людей; отсюда пошелъ тотъ процессъ эксплуатаціи слабыхъ сильными, противъ котораго позднѣе поднялись пророки.

Итакъ, Давидъ временно поселился въ Сиклагѣ, какъ филистимскій вассалъ. Когда при горѣ Гильбоа филистимляне, наконецъ, разбили Саула, причемъ былъ убитъ онъ самъ и его сынъ Іонаѳанъ, другъ Давида, то для Давида открылась дорога къ царству надъ Израилемъ. Онъ былъ сейчасъ же провозглашенъ царемъ въ племени Іуды, откуда онъ самъ происходилъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ, пользуясь раздорами дружинниковъ Саула и услугами перебѣжчика Абнера, разбилъ его сына, Эшбаала, и сдѣлался царемъ надъ всѣмъ Израилемъ. Его заботы были тѣ же, что у Саула: окончательно разбить филистимлянъ и отбить охоту у другихъ сосѣдей нападать на израильскія племена. Для себя онъ построилъ укрѣпленный замокъ, Іерусалимъ, на іудейской горѣ Сіонѣ. Тамъ онъ устроилъ свою резиденцію съ большою роскошью. Преданія съ охотою перечисляютъ его женъ (II Сам. III, 2—5) и его дружинниковъ — героевъ (II Сам. XXIII, 8 и слѣд.). Власть его, однако, не была безспорна: противъ него поднимали возстанія сторонники Саула и его собственный сынъ

Абсаломъ. Къ концу своего царствованія Давидъ нажилъ себѣ не мало враговъ. У него образовались уже привычки восточнаго деспота: достаточно вспомнить, какъ онъ отнялъ у Ури его жену Батсебу (Batsebha, въ русск. библ. Вирсавія) и какъ онъ прикрывалъ самый безудержный развратъ своихъ сыновей (ср. II Сам. XIII и слѣд.).

Таковы были общественно-политическія условія въ Израилѣ въ эпоху Давида. Израиль еще не вышелъ вполнѣ изъ родового быта, еще крѣпка была власть вождей-скотоводовъ, которые еще не превратились въ феодаловъ, живущихъ крѣпостнымъ трудомъ и земледѣліемъ—положеніе, совершенно аналогичное быту германцевъ тотчасъ послѣ переселенія или грековъ въ гомеровскую эпоху. Столько же сродныхъ элементовъ и въ происхожденіи и положеніи царской власти. Она ведетъ свое начало отъ войны и разбоя: для того и другого нужны были вожди, которые и становятся царями. Война и разбой по существу тогда не различались, какъ мы не видимъ такого различія ни у германцевъ въ IV—V в., ни у грековъ въ эпоху гомеровскаго эпоса.

Такими же чертами первобытной и наивной еще эпохи отмѣчена и религіозная жизнь Израиля. Богъ Ягве, занимавшій первое мѣсто въ еврейскомъ пантеонѣ, національный богъ Израиля, это все еще прежній воинственный богъ, какимъ онъ описанъ въ пѣснѣ Деборы (Суд. V), одномъ изъ древнѣйшихъ произведеній еврейской поэзіи. Когда онъ идетъ, содрагается земля и небо, шатаются горы, даже самъ Синай, этотъ великанъ между горами (какъ Олимпъ у грековъ). Этотъ богъ жаждетъ крови враговъ Израиля, которые являются и его врагами: какъ Іаель раздробила голову Сисеры, царя Хананаискаго, такъ должны погибнуть и всѣ прочіе враги Ягве (ibid). На этомъ свойствѣ Ягве построенъ весь разсказъ объ отверженіи Саула богомъ Ягве, разсказъ, вышедшій, несомнѣнно, изъ враждебной Саулу жреческой среды (I Сам., XV). Въ разсказѣ говорится, что Самуилъ приказалъ Саулу отъ имени Ягве совершить наказаніе надъ амалекитянами за всѣ тѣ бѣдствія, которыя послѣдніе причинили Израилю со времени выхода изъ Египта. Саулъ долженъ былъ разбить амалекитянъ и истребить ихъ безъ пощады, не исключая ни женщинъ, ни

дѣтей, ни новорожденныхъ младенцевъ, ни быковъ, ни овецъ, ни верблюдовъ, ниословъ. Саулъ побѣдилъ царя амалекитянъ, Агага, но истребилъ лишь его солдатъ и малоцѣнный скотъ, самого же царя и лучшую часть скота пощадилъ, чтобы принести ихъ въ жертву Ягве. «Тогда вышло слово Ягве къ Самуилу: я раскаиваюсь, что сдѣлалъ Саула царемъ, ибо онъ отвратился отъ меня и не исполнилъ моихъ приказаній». Самуилъ отправился къ Саулу и послѣ крупнаго разговора съ нимъ объявилъ ему: «отнынѣ Ягве отнимаетъ у тебя царство и передаетъ его другому, который лучше, чѣмъ ты», приказалъ привести Агага и собственноручно разрубилъ его передъ жертвенникомъ Ягве въ Гилгалѣ. Ягве—непремѣнный совѣтникъ и участникъ во всѣхъ военныхъ дѣлахъ. Прежде чѣмъ двинуться въ походъ, и Саулъ и Давидъ спрашивали Ягве, слѣдуетъ ли предпринимать задуманное предпріятіе. Для этого метали такъ называемые urim и tummim, жребіи, загадывая напередъ, какой жребій будетъ имѣть значеніе «да» и какой «нѣтъ», или старались открыть отвѣтъ Ягве изъ сновидѣнія. Ягве не всегда отвѣчалъ; тогда приходилось прибѣгать къ помощи жреца или прозорливца. Такимъ былъ при Саулѣ Самуилъ, при Давидѣ—изгнанный Сауломъ жрецъ Абимелехъ. Послѣ того какъ Саулъ поссорился съ Самуиломъ и Ягве, Самуилъ скоро умеръ; между тѣмъ началась война съ филистимлянами, и Саулъ сталъ спрашивать Ягве самъ; «но Ягве не отвѣчалъ ни посредствомъ tummim, ни въ снахъ, ни чрезъ пророковъ». Тогда Саулъ отправился къ эндорской колдуньѣ, которая умѣла заклинать духовъ и вызывать тѣни умершихъ, и просилъ ее вызвать тѣнь Самуила, что она и сдѣлала. Ягве, такимъ образомъ, еще сохраняетъ свой отчасти антропоморфическій, отчасти стихійный характеръ (какъ показываетъ этимологія слова jahweh, онъ былъ первоначально богомъ грозы). Единственный намекъ на этическое значеніе Ягве можно найти развѣ въ исторіи Давида и Батсебы: къ Давиду пришелъ пророкъ Наѳанъ и обличилъ его именемъ Ягве. Эта исторія показываетъ, что проблески религіознаго рефлекса только забрезжили; но они и не могли пойти въ это время далеко, пока не началась еще усиленная соціальная дифференціація, и не начались широкія соціальныя движенія, которыя неминуемо разрушаютъ старый

религіозный натурализмъ и выдвигаютъ въ религіи на первый планъ этическіе моменты.

Постояннымъ соперникомъ Ягве является Ваалъ. Сторонники монотеистической реформаціи VII вѣка считали культъ Ваала ханаанскимъ культомъ; но каково бы ни было его происхожденіе, этотъ культъ глубоко внѣдрился въ народную религію. Какъ Ягве, такъ и Ваала изображали въ видѣ быка, или тельца, изображенія которыхъ считались символомъ величайшей силы и могущества. Если Ягве выдвигается болѣе всего въ военную эпоху, какъ богъ-воитель, аналогъ германскаго Вотана, то Ваалъ выдвигается въ мирное время. Какъ только минуетъ военная гроза, народъ раздѣляется между грознымъ Ягве и щедрымъ Вааломъ, животворнымъ богомъ солнца и плодородія. Израильская традиція въ ея современномъ видѣ затушевала культъ Ваала и опорочила его, какъ чуждый и еретическій; потому, Ваалъ не такъ ясенъ и рельефенъ, какъ его восторжествовавшій въ концѣ концовъ соперникъ Ягве.

Далѣе, наряду съ Ягве существуютъ низшія божества, ему подчиненныя. Это злые духи, которыхъ Ягве посылаетъ мучить непріятныхъ ему людей, какъ напр. злой духъ, мучившій Саула (I Сам., XVI, 17), или какъ гонецъ (maleakh, ἄγγελος) Ягве въ II Сам. XXIV, 16, который, повидимому, былъ олицетвореніемъ чумы. Эти духи, очевидно, родственны вавилонскимъ бѣсамъ, олицетвореніямъ различныхъ болѣзней, которыхъ можно было прогонять заклинаніями. Были въ каждомъ домѣ своего рода пенаты, *терафимы* (I Сам., 19. 13 и слѣд., очень любопытный разсказъ; ср. также Ос., III, 4, Захар., X, 2 *) и Іезек. LVII, 8). Ихъ роль и культъ неясенъ; повидимому, въ ихъ лицѣ почитали боговъ предковъ. Былъ культъ старинныхъ священныхъ изображеній: почитался, напр. мѣдный змѣй, по преданію сдѣланный Моисеемъ. Оставались въ силѣ культы прежнихъ поселенцевъ ханаанеевъ и нѣкоторые старинные вавилонскіе, вѣрнѣе всего общесемитскіе культы: солнца, луны, созвѣздій Зодіака, крылатыхъ быковъ (керубовъ) и культы сосѣднихъ боговъ, сидонской Астарты, моавитскаго Камоша и аммонит-

*) IX и X гл. Захаріи относятся, по всей вѣроятности, къ эпохѣ до VIII в. и лишь случайно вставлены въ книгу подлиннаго Захаріи.

скаго Милькома. Всѣ эти старинные культы, существовавшіе рядомъ съ культомъ Ягве и Ваала, упоминаются еще въ VIII в. (II Цар. XVIII, 4; XXIII, 4 и слѣд.). Наконецъ, еще въ болѣе позднюю эпоху, лѣтъ 100—150 спустя послѣ Давида, существовали старинные культы священныхъ деревьевъ, камней и рощъ, съ которыми вели безпощадную борьбу пророки, начиная съ Амоса и Осіи.

Очень важенъ вопросъ о культѣ. Не было опредѣленнаго мѣста культа. Практика, которая закрѣплена въ кн. Судей и Самуила, а также отчасти въ I и II Царей (эти послѣднія книги подверглись значительной переработкѣ въ эпоху вавилонскаго плѣна, и мы не имѣемъ ихъ въ первоначальномъ видѣ), показываетъ, что дѣйствующимъ правиломъ было правило Исх. XX, 24: «на *всякомъ мѣстѣ*, которое я назначилъ для того, чтобы на немъ служили мнѣ, я приду къ тебѣ и благословлю тебя». Самое это правило, какъ и все законодательство, Исх. XXI—XXIV (так. наз. «книга завѣта», sepher habberith) было ничѣмъ инымъ, какъ письменнымъ закрѣпленіемъ обычая. «Служили» божеству, т. е. приносили ему жертвы на самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ, съ которыми легенды связывали факты появленія божества. Въ настоящее время трудно сказать опредѣленно, существовали ли эти мѣста издавна и легенды носятъ лишь этіологическій характеръ, или эти мѣста были выбраны для культа именно въ силу легенды; опредѣленно это можно сказать лишь о тѣхъ мѣстахъ культа, которыя израильтяне заимствовали отъ хананеевъ; легенды, связавшія ихъ съ именами патріарховъ, носятъ, несомнѣнно, этіологическій характеръ. Эти священныя мѣста—Веѳиль (собств. Bethel), Данъ, Гилгалъ, Бетъ-Миха, Бееръ-Себа (Вирсавія) и др., а также безчисленныя *высоты* (bamoth), т. е. холмы съ находившимися на нихъ жертвенниками. Та *скинія собранія* (ohel mohedh), которая по такъ называемому законодательству Моисееву была устроена въ пустынѣ и предназначались для оффиціальнаго законнаго культа впредь до построенія храма, совсѣмъ не существуетъ ни въ эпоху Давида, ни въ болѣе позднюю. Единственное упоминаніе о ней находится въ I Сам., II, 22, но это мѣсто отсутствуетъ въ переводѣ LXX, а въ еврейскомъ текстѣ сильно испорчено и съ трудомъ поддается толкованію. Точно также

ни откуда не видно, чтобы храмъ, построенный Соломономъ, былъ построенъ взамѣнъ скиніи; это совершенно новое предпріятіе Соломона, о которомъ мечталъ еще его отецъ, Давидъ, построившій временно для національной святыни, ковчега, который былъ перенесенъ имъ на Сіонъ, временный шатеръ (ср. II Сам. 7, I Цар. VI и слѣд.). Такимъ образомъ, скинія собранія, съ ея строго регламентированнымъ культомъ и іерархіей, есть не что иное, какъ фикція, измышленная для вящшаго освященія теократическаго строя, созданнаго послѣ плѣна Езрой и его преемниками.

Культъ, который совершался на этихъ священныхъ мѣстахъ, не нуждался ни въ особыхъ жрецахъ, ни въ особыхъ обрядахъ. Жертвы могъ приносить и приносилъ всякій, лишь бы былъ къ этому поводъ и матеріальная возможность. Жертвоприношенія были въ то же время и пирами: жертвенное мясо съѣдалось тутъ же приносившими жертву; приносить жертву значило радоваться, пить и ѣсть передъ божествомъ. Совершенно незамѣтенъ тотъ элементъ искупленія, очищенія и умилостивленія, который позднѣе сталъ примѣшиваться къ жертвоприношенію, а послѣ плѣна сдѣлался доминирующимъ. Это былъ жизнерадостный натуральный культъ, связанный съ главными моментами хозяйственной жизни: посѣвомъ, снятіемъ первинокъ, жатвой, стрижкой овецъ. Люди, принося жертвы, думали не о грѣхахъ своихъ, а о своемъ урожаѣ. Если Ягве понравится тукъ барановъ и мясо быковъ, если его обонянію будетъ пріятенъ дымъ отъ жертвенныхъ костровъ, то онъ пошлетъ урожай, если нѣтъ—онъ пошлетъ засуху. Ягве, какъ показываетъ исторія пророка Иліи, иногда въ этомъ отношеніи состязался даже съ Вааломъ (ср. I Сам. III, 14; XXVI, 19; VII, 6; II Сам. XXIV, 16—25; Суд. XX, 26; о праздникахъ: Исх. XXIII, 15 слѣд., и XXXIV; 8—26 другія мѣста).

Такова была религія этой эпохи. Она—плоть отъ плоти и кровь отъ крови тогдашняго соціально экономическаго быта. Вся проникнутая натурализмомъ, чуждая моральному рефлексу, она вполнѣ гармонируетъ съ тогдашней простой жизнью. Эта жизнь покоилась на натуральномъ хозяйствѣ въ его первичной еще стадіи; соціальныя группировки еще слабо намѣчались; государство только выходило изъ пеленокъ, подъ давленіемъ

борьбы Израиля за существованіе. И религія его, какъ религія германцевъ первыхъ вѣковъ нашей эры, грековъ въ гомеровскую эпоху, славянъ въ древности, носитъ еще характеръ скорѣе вульгарнаго фетишизма и демонизма, чѣмъ рефлективной системы, старающейся отвѣтить на вопросъ о злѣ и добрѣ, о справедливости и беззаконіи.

До сихъ поръ мы исключительно руководились данными, которыя намъ сообщаютъ книги Судей, Самуила и Царей и отчасти пророковъ. Но въ началѣ этой главы мы указывали, что еврейская традиція располагаетъ еще книгами Хроникъ, которыя изображаютъ Давида музыкантомъ, псалмопѣвцемъ и организаторомъ коллегіи пѣвцовъ, именами которыхъ обозначены нѣкоторые псалмы. Вопросъ объ этихъ книгахъ, слѣдовательно, тѣмъ болѣе важенъ, что онѣ даютъ опредѣленное свидѣтельство о происхожденіи псалмовъ.

Что такое книги Хроникъ въ сравненіи съ кн. Самуила и Царей? По времени происхожденія онѣ относятся къ эпохѣ не ранѣе Кира, такъ какъ въ заключительныхъ стихахъ разсказывается объ указѣ Кира, разрѣшившемъ іудеямъ вернуться изъ Вавилона на родину (538 г.). Но въ дѣйствительности эти книги еще болѣе поздняго происхожденія. Именно, terminus a quo дается тѣмъ обстоятельствомъ, что заключительныя слова II Хрон. буквально повторяются въ началѣ кн. Езры (жилъ въ половинѣ V в.), такъ что эта книга является непосредственнымъ продолженіемъ Хрон., (кн. Езры въ теперешнемъ видѣ составилась изъ разныхъ частей и даже написана на двухъ разныхъ языкахъ, а появилась не ранѣе 400 года), и содержаніемъ III гл. I Хрон., гдѣ идетъ генеалогія Давидидовъ вплоть до шестого поколѣнія послѣ плѣна (слѣдовательно, приблизительно до 350 г.).

Содержаніе книгъ Хроникъ таково: сначала дается генеалогія Давида, начиная съ Израиля и Іуды (I—II), далѣе идетъ генеалогія Давида и краткія замѣчанія о нѣкоторыхъ другихъ колѣнахъ (II—IX); IX, 1—35 излагаетъ конституцію іудейской общины послѣ ея возстановленія и перечисляетъ пришедшіе въ Іерусалимъ изъ плѣна ряды іудеевъ. Съ IX, 35 начинается изложеніе исторіи *только* Іуды, начиная со смерти Саула вплоть до указа Кира. Матеріалъ, который использованъ авто-

ромъ Хроникъ, заимствованъ буквально изъ пятикнижія и кн. Самуила и Царей. Къ этому заимствованному матеріалу авторъ Хроникъ сдѣлалъ цѣлый рядъ существенныхъ добавленій. Нѣкоторыя мелкія добавленія, главнымъ образомъ во II кн. Хрон., заимствованы изъ источниковъ, названія которыхъ указываются тутъ же: это исторіи о различныхъ царяхъ и пророкахъ. Выражались сомнѣнія въ подлинномъ существованіи этихъ источниковъ, такъ какъ добавленія, почерпнутыя изъ нихъ, носятъ совершенно тотъ же характеръ, что и другихъ, весьма обширныхъ добавленій I и II кн., касающихся Давида и Соломона, источникъ которыхъ совершенно не указанъ. Общій характеръ книгъ Хроникъ совершенно опредѣленный. Хронистъ превратилъ живую исторію доплѣннаго Израиля въ мертвую схематическую исторію церкви. Вся его работа ставитъ себѣ цѣлью показать, что теократическое законодательство Моисея жило и дѣйствовало до плѣна, что цари іудейскіе, начиная съ Давида, были вѣрными его слугами. Съ этою цѣлью весь матеріалъ кн. Самуила и Царей былъ подвергнутъ радикальной чисткѣ. Выпущено все то, что противорѣчило основной идеѣ хрониста и что могло такъ или иначе шокировать благочестиваго. Прежде всего, исчезли всѣ разсказы, прямо относящіяся къ народной религіи той эпохи; изъ біографій Давида, Соломона и другихъ царей выпущены всѣ подробности, противорѣчащія ихъ роли, какъ вѣрныхъ слугъ закона; пророки изъ проповѣдниковъ морали и соціальной справедливости превращены въ фанатическихъ защитниковъ обрядоваго закона. Вся исторія царства Израильскаго (собств. Ефремова) выпущена, такъ какъ его отдѣльное существованіе отъ Іуды нарушало идею о единомъ израильскомъ народѣ, сосредоточенномъ вокругъ богоустановленнаго культа въ Іерусалимѣ. Съ точки зрѣнія хрониста, десять колѣнъ—это нечестивые раскольники, сами себя отрѣзавшіе отъ подлиннаго Израиля и недостойные упоминанія. Но одними цензурными выпусками обойтись было нельзя. Эти выпуски не давали главнаго: они все таки не могли доказать, что обрядовое Моисеево законодательство, теократическаго характера, дѣйствительно существовало до плѣна. Пришлось для этой цѣли сдѣлать нѣсколько обширныхъ добавленій и множество мелкихъ ремарокъ. Самое большое добавленіе, не обозначенное никакимъ источникомъ, это

22—29 гл. I Хрон. Здѣсь изложено приказаніе Давида Соломону относительно построенія храма и устройства въ немъ оффиціальнаго культа. Давидъ подробно перечисляетъ число левитовъ и ихъ обязанности, распредѣляетъ священниковъ на 24 класса, устанавливаетъ 24 отдѣленія пѣвцовъ (четыре предназначены для сыновъ Асафа, шесть—для сыновъ Іедутуна, 10—для сыновъ Гемана) и дѣлаетъ другія распоряженія, касающіяся храма и его военной охраны. Самъ Давидъ положилъ будто бы начало этому устройству оффиціальнаго культа при перенесеніи ковчега на Сіонъ: тогда онъ собралъ со всего Израиля потомковъ Аарона и Левія и составилъ хоръ пѣвцовъ; а по окончаніи перенесенія ковчега онъ приказалъ Асафу и его братьямъ пѣть составленный имъ псаломъ «Возблагодарите Ягве», часть котораго повторяется въ пс. 105,1—15. Это разсказывается въ двухъ обширныхъ добавленіяхъ, I Хрон. XV, 1—24 и XVI, 4—42. Разсказъ о построеніи и освященіи храма Соломона, заимствованный въ общемъ изъ Сам. и Цар., сильно переработанъ и испещренъ краткими добавленіями, имѣющими, однако, весьма важную цѣль: показать, что храмъ былъ точною копіей скиніи Моисеевой, которая должна была служить его временной замѣной.

Эти характеристическія черты добавленій хрониста и общей тенденціи той переработки, которой онъ отчасти подвергъ текстъ Сам. и Цар., показываютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ благочестивымъ, но весьма тенденціознымъ замысломъ и вымысломъ. «Книга закона Моисеева», т. е. теперешнее пятикнижіе, появилась впервые въ цѣломъ видѣ только при Езрѣ (440 г.); изъ тѣхъ частей ея, которыя существовали до плѣна, твердо установлено существованіе лишь десятословія, «Книги Завѣта», Второзаконія и легендъ о патріархахъ. Вся историческая обстановка происхожденія обрядоваго законодательства, (такъ наз. Priestercodex) [2]) есть чисто искусственное произведеніе, фикція, созданная ради того, чтобы освятить тотъ строй, который установился въ общинѣ второго храма стараніями книжниковъ школы Іезекіиля и Езры. Но этой фикціи противорѣчила подлинная исторія, закрѣпленная въ кн. Сам. и Царей. Ее замѣнили новой, исправленной исторіей, которая кстати убила еще одного зайца: воспользовавшись легендой о томъ, что

національный герой Давидъ, былъ музыкантъ и поэтъ. Хроника эксплуатировала эту черту въ томъ смыслѣ, что превратила Давида въ благочестиваго царя-псалмопѣвца, организатора музыкальной части богослуженія въ храмѣ. Добавленіе, сдѣланное ради этого, подобно всѣмъ остальнымъ добавленіямъ, само выдаетъ свое происхожденіе: его языкъ сильно арамаизированъ, сразу отличается отъ языка Сам. и Цар., классическаго языка еврейской литературы. Это добавленіе, какъ и весь Priestercodex, не есть простая фикція, это только архаизація того, что существовало въ V—IV в. въ іудейской общинѣ второго храма. Церковно-юридическій и сакральный бытъ изображенъ въ Priestercodex'ѣ какъ строй, установленный самимъ богомъ въ пустынѣ, а техническая сторона богослуженія и храмового устройства приписана Давиду. XXII—XXIX гл. I кн. Хрон. имѣютъ историческую цѣнность не какъ источникъ для исторіи Давида, но какъ источникъ для характеристики храмовой музыки въ послѣплѣнной общинѣ [3]).

Остается разобрать еще одинъ вопросъ. Давидъ былъ поэтъ и музыкантъ—это исторически установленный фактъ. Быть можетъ, онъ все-таки былъ авторомъ нѣкоторыхъ псалмовъ, не будучи, конечно, ни авторомъ всей книги псалмовъ, ни организаторомъ храмовой музыки.

Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно. Традиція кн. Сам. приписываетъ Давиду два поэтическихъ произведенія, которыя и приводятся цѣликомъ. Это пѣснь въ честь павшихъ героевъ, Саула и Іонаѳана (II Сам., I, 17—27) и благодарственный псаломъ, который будто бы Давидъ сочинилъ, когда Ягве избавилъ его отъ руки его враговъ и Саула (II Сам. XX, повторяется съ нѣкоторыми варіантами въ книгѣ псалмовъ, какъ пс. 18). Изъ этихъ двухъ пѣсенъ первая не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Она заимствована составителемъ I Сам. изъ «книги праведнаго», не дошедшаго до насъ очень древняго собранія пѣсенъ, которое цитируется еще въ книгѣ Іисуса Навина (X, 12, извѣстное приказаніе Навина солнцу и лунѣ).

Пѣснь на смерть Саула и Іонаѳана, поэтому, какъ подлинное, вѣроятно, произведеніе Давида, заслуживаетъ того, чтобы ее привести здѣсь полностью:

Краса твоя, о Израиль, лежитъ пораженная на твоихъ высотахъ—
Какъ пали герои!
Не возвѣщайте объ этомъ въ Гатѣ,
Не разсказывайте по улицамъ Аскалона,
Чтобъ дочери филистимскія не радовались,
Не ликовали дочери необрѣзанныхъ...
О вы, горы Гильбоа!
Пусть не падаетъ ни роса, ни дождь на васъ, горы смерти,
Гдѣ лежитъ во прахѣ щитъ героевъ,
Щитъ Саула, помазаннаго масломъ.
Отъ крови убитыхъ,
Отъ руки героевъ
Не отставалъ лукъ Іонаѳана,
И мечъ Саула не возвращался пустымъ.
Саулъ и Іонаѳанъ, дорогіе и милые другъ другу при жизни,
Остались неразлучны и въ смерти,
Они, которые были быстрѣе, чѣмъ орлы,
И сильнѣе, чѣмъ львы.
О вы, дочери Израиля,
Плачьте о Саулѣ,
Который одѣвалъ васъ въ пурпуръ и радости,
Украшалъ одежды ваши золотомъ.
Какъ пали герои посреди боя —
Іонаѳанъ пораженъ на твоихъ высотахъ!
Я скорблю о тебѣ, братъ мой Іонаѳанъ; ты былъ мнѣ такъ дорогъ!
Твоя любовь для меня была дороже женской любви!
Какъ пали герои,
Погибли военные доспѣхи!

Эта пѣснь вполнѣ гармонируетъ съ воинственнымъ духомъ Давида и проникнута своеобразной прелестью. Каждая строчка дышетъ силой и свѣжестью, языкъ богатъ образами и напоминаетъ нѣкоторыя мѣста изъ «Слова о полку Игоревѣ», гдѣ также вся природа принимаетъ участіе въ горѣ и радости героевъ. Въ томъ же духѣ четверостишіе на смерть Абнера, одного изъ приближенныхъ Саула, который былъ убитъ, какъ измѣнникъ (II Сам., III, 83—35). Давидъ изумляется, что Абнеръ, свободный человѣкъ, не знавшій оковъ, палъ такою безславною смертью. Такимъ образомъ, приведенный образецъ поэзіи Давида указываетъ, что она была совершенно чужда религіозно-моральнаго характера, каковъ характеръ псалмовъ. Эта свѣтская, военная поэзія, свѣжая и наивная, какъ и вся тогдашняя жизнь.

Нельзя того же сказать про другой образецъ, приписываемый Давиду, про его благодарственный псаломъ. Авторъ его, дѣйствительно, подвергался смертельной опасности: «меня окру-

жили волны, меня ужаснули коварные потоки, меня обхватили оковы преисподней, на меня напали змѣи смерти». Тогда онъ воззвалъ къ Ягве, и Ягве «услышалъ изъ своего дворца его голосъ» и выступилъ на его защиту. Явленіе Ягве описывается чертами чисто стихійными: «заколебалась земля, задрожали основанія небесъ и зашатались во всѣ стороны, ибо Ягве былъ разгнѣванъ. Дымъ выходилъ изъ его носа, пожирающій огонь изъ его устъ, отъ него загорались пылающіе уголья. Онъ склонилъ внизъ небо и спустился съ него, мракъ былъ подъ его ногами. Онъ сѣлъ на керуба и полетѣлъ на немъ и парилъ на крыльяхъ вѣтра... онъ гремѣлъ громомъ съ неба... металъ стрѣлы и молніи... тогда стали видимы нѣдра моря, обнажились основанія земного круга»... Ягве освободилъ автора псалма изъ власти враговъ, которые были для автора «слишкомъ сильны» и напали на него въ дни его несчастья. Далѣе идетъ восхваленіе Ягве за спасеніе. Указанная картина явленія Ягве свидѣтельствуетъ о томъ, что псаломъ довольно ранняго происхожденія, хотя такіе же образы, прочно внѣдрившіеся въ воображеніе израильтянъ, повторяются въ цѣломъ рядѣ произведеній, вплоть до Апокалипсиса. Далѣе, псаломъ этотъ помѣщенъ въ добавленіи къ кн. Сам. (послѣднія четыре главы, см. объ этомъ примѣчаніе 1-ое) неизвѣстнаго происхожденія. Вслѣдствіе этого, названный псаломъ не рѣшаются приписывать Давиду, тѣмъ болѣе, что въ псалмѣ есть указанія на то, что Ягве властвуетъ надъ язычниками—идея, ставшая господствующей только со временн Амоса, т. е. не ранѣе VIII в. Авторъ псалма обѣщаетъ восхвалить Ягве среди иноплеменниковъ и въ заключеніе поминаетъ Давида и его потомство. Время псалма, такимъ образомъ, опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ онъ написанъ не ранѣе VIII вѣка, т. е. спустя 200 лѣтъ послѣ Давида.

Итакъ, изслѣдованіе вопроса о Давидѣ и его пѣвцахъ привело насъ къ тому, что историческій Давидъ могъ сочинять лишь свѣтскіе военные гимны, традиція же кн. Хроникъ, приписывающая ему псалмопѣвчество и организацію коллегіи пѣвцовъ, есть фикція, возникшая не ранѣе IV вѣка. Если мы прослѣдимъ исторію Израиля послѣ Давида вплоть до плѣна, то мы нигдѣ не найдемъ ни одного намека на существованіе со-

бранія пѣсенъ, подобнаго псалмамъ. Болѣе того, и послѣ плѣна, вплоть до V вѣка, нѣтъ упоминанія о подобной книгѣ. Она появляется, слѣдовательно, очень поздно, а то обстоятельство, что въ ней есть цѣлый рядъ псалмовъ, относившихся еще отцами церкви и раввинами къ эпохѣ Маккавейскаго возстанія, заставляетъ заключить, что въ своемъ теперешнемъ видѣ она появилась не ранѣе конца II вѣка до Р. Х., слѣдовательно, въ большей своей части есть продуктъ послѣплѣннаго творчества. Чтобы опредѣлить хронологическое мѣсто отдѣльныхъ псалмовъ въ исторіи іудейской литературы и дать ея правильную характеристику, необходимо познакомиться вкратцѣ съ религіозной исторіей Израиля послѣ Давида и вплоть до II вѣка, когда разражается возстаніе Маккавеевъ.

IV. Религіозная исторія Израиля послѣ Давида.

На все вышеизложенное намъ могутъ привести слѣдующее возраженіе: возьмите любой псаломъ, и вы увидите, что тамъ говорится о человѣческихъ радостяхъ и горестяхъ, о томъ, что страдающій ищетъ утѣшенія въ молитвѣ, спасенія отъ бога, благодаритъ за благодѣянія и проситъ милости. Не есть ли это все такія темы, которыя совершенно не зависятъ отъ мѣста и времени, отъ измѣнчивыхъ условій внѣшней обстановки нашего бытія? Если это такъ, то такіе псалмы могли быть составлены даже и въ эпоху Давида. Значитъ, или традиція все таки права въ томъ отношеніи, что указываетъ эпоху Давида, какъ время составленія большей части псалмовъ, или у насъ не будетъ никакой точки опоры для разрѣшенія вопроса о времени ихъ происхожденія. Ибо псалмы такого общаго содержанія (а ихъ много) чрезвычайно трудно пріурочить къ опредѣленному историческому моменту, не имѣя какой нибудь сторонней точки опоры.

На это мы должны сказать, что, во первыхъ, такое мнѣніе о большинствѣ псалмовъ неправильно, оно возникаетъ при знакомствѣ съ псалмами лишь по русскому переводу, очень плохому и совершенно обезцвѣчивающему подлинникъ. Въ дѣйствительности, шаблонныхъ псалмовъ не такъ уже много:

кромѣ того, всѣ псалмы можно распредѣлить на цѣлый рядъ рѣзко различныхъ категорій, при чемъ самое грубое дѣленіе такое: 1) псалмы лирическаго характера, 2) историческаго характера, 3) чисто богослужебнаго характера. Во вторыхъ, псалмы первой группы, правда, многочисленные, которые имѣетъ въ виду вышеприведенное возраженіе, вовсе не имѣютъ и ни при какихъ условіяхъ не могутъ имѣть того характера безразличности и всеобщности, который имъ хочетъ придать нашъ предполагаемый оппонентъ. На этотъ второй пунктъ мы и обратимъ прежде всего наше вниманіе.

Раскроемъ псалтирь и возьмемъ первый псаломъ, одинъ изъ многихъ псалмовъ первой группы. «Счастливъ человѣкъ, который не поступаетъ по примѣру нечестивыхъ, не идетъ по пути грѣшниковъ, не сидитъ въ кругу глумящихся (надъ заповѣдями божіими), но находитъ себѣ отраду въ законѣ Ягве и день и ночь размышляетъ о его законѣ. Онъ подобенъ дереву, посаженному у источниковъ воды, которое приноситъ плодъ свой въ надлежащее время, и листва котораго не вянетъ; и все, что (такой человѣкъ) дѣлаетъ, приводитъ онъ къ доброму концу. Не такъ (живутъ) безбожные, не такъ, но какъ прахъ, уносимый вѣтромъ. Поэтому безбожные не устоятъ на судѣ, а грѣшники въ общинѣ праведныхъ. Ибо Ягве знаетъ путь праведныхъ; а путь нечестивыхъ погибнетъ». Всякій, кто прочитаетъ этотъ и цѣлый рядъ подобныхъ ему псалмовъ, увидитъ, что подобные псалмы могли возникнуть лишь въ такую эпоху, которая отмѣчена сложною религіозною жизнью. Псаломъ предполагаетъ существованіе опредѣленнаго, нравственнаго или обрядоваго, закона, всѣмъ доступнаго, точно записаннаго, который можно подвергать изслѣдованію. Псаломъ знаетъ понятіе грѣха и праведности: грѣхъ — это нарушеніе или непризнаніе закона, праведность—исполненіе закона. Наконецъ, въ псалмѣ фигурируетъ идея награды и наказанія: праведный будетъ наслаждаться благополучіемъ, какъ плодоносное дерево, нечестивый исчезнетъ, какъ пыль, развѣваемая вѣтромъ. Налицо, слѣдовательно, продукты религіознаго рефлекса. Бываетъ ли такой рефлексъ во всякой религіи во всякій моментъ ея развитія?

Исторія самыхъ разнообразныхъ религій отвѣчаетъ намъ

на этотъ вопросъ отрицательно. Если разсматривать религіи, какъ соціальное явленіе,—а такова она и есть съ того момента, какъ изъ фантазіи одиноко бродящаго дикаря, она превращается въ вѣрованіе, раздѣляемое членами извѣстнаго общественнаго соединенія,—то мы увидимъ, что содержаніе религіи мѣняется параллельно съ измѣненіемъ соціальной среды, среди которой она живетъ. Мы уже отмѣчали въ предшествующей главѣ, что пока не началась классовая группировка, пока не появилась соціальная борьба и вражда, религія носитъ исключительно натуральный характеръ. Явленія рефлекса появляются позднѣе, когда начинаетъ разгораться, подъ вліяніемъ классовой дифференціаціи, классовая борьба. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерно, напр., явленіе орфизма въ Греціи. Орфики появились одновременно съ началомъ ожесточенныхъ смутъ въ греческихъ городахъ и ихъ областяхъ; они изъ пьянаго и распутнаго Зевса старины сдѣлали единаго бога правды и справедливости. Это совпаденіе не случайно; съ того момента, какъ начинаетъ чувствоваться соціальная несправедливость, это чувство прежде всего находитъ себѣ отзвукъ въ религіи. Такимъ же образомъ въ эпоху Іисуса, или въ эпоху нѣмецкой реформаціи, когда происходили грандіозныя народныя движенія, прежній богъ, застывшій въ обрядности богъ раввиновъ, или католическій богъ, погребенный подъ горою схоластическаго хлама и сора, превращался чуть ли не въ небеснаго вождя соціальной революціи, которая должна возстановить на землѣ нарушенную гармонію божіей правды. Эпоха рефлекса и превращенія бога-громовика Ягве въ единаго бога правды, царящаго надъ всѣми народами, началась среди Израиля въ VIII вѣкѣ, когда выступили первые великіе пророки.

Это явленіе пророчества до сихъ поръ еще не получило надлежащаго объясненія и оцѣнки. Нѣмецкая критическая школа, въ лицѣ Велльгаузена, склонна объяснять это явленіе чисто психологическимъ вліяніемъ выступленія на сцену міровой ассирійской монархіи; но это все равно, что объяснять происхожденіе хотя бы русской революціи одними пораженіями при Портъ-Артурѣ и Цусимѣ. Ближе всѣхъ къ истинѣ подошелъ Ренанъ, который выдвинулъ на первый планъ соціальный элементъ въ проповѣди пророчества и сравнилъ пророковъ съ

русскими нигилистами; но описать явленіе, сдѣлать его наглядным путемъ мѣткаго сравненія еще не значитъ объяснить и понять его. Подробное изслѣдованіе этого вопроса не входитъ въ рамки настоящаго очерка; но вкратцѣ должны быть намѣчены основные пункты.

Цѣлый рядъ мѣстъ изъ кн. Самуила и Царей указываютъ на быстрый ростъ хозяйственнаго и общественнаго развитія въ Израилѣ въ теченіе двухъ вѣковъ, протекшихъ со времени Давида. Процессъ этого развитія трудно возстановить детально, такъ какъ традиція книгъ Царей, являющихся основнымъ источникомъ для исторіи Израиля послѣ Соломона, окрашена ярко выраженной жреческой тенденціей. Составитель книгъ Царей, жившій въ эпоху плѣна, интересовался прежде всего отношеніемъ іудейскихъ и израильскихъ царей къ іерусалимскому храму и культу, который представлялся ему единственно законнымъ культомъ (какъ того требовало Второзаконіе, появившееся въ 621 г. изъ жреческой среды), и поэтому опускалъ всѣ подробности, не касающіяся культа и военной исторіи, отсылая своихъ читателей прямо къ своимъ источникамъ *).

Однако и въ теперешнемъ своемъ видѣ книги Царей сохранили цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ для насъ указаній. Мы узнаемъ, что первенствующее значеніе въ хозяйственной жизни Израиля пріобрѣло земледѣліе, что начались неизбѣжные для переходной эпохи хозяйственные кризисы въ видѣ неурожаевъ при Иліи и Елисеѣ, причемъ послѣдній неурожай (вторая половина IX в.) былъ настолько жестокъ, что были случаи людоѣдства (2 Цар. гл. VI, 25 и слѣд.). Рядомъ съ разложеніемъ стараго полукочевого пастушескаго быта и замѣной его земледѣльческимъ замѣчаются зачатки денежнаго хозяйства. На это прежде всего указываютъ упоминанія денегъ въ качествѣ орудій обмѣна; въ IX в., впрочемъ, деньги не пріобрѣли еще форму монетъ, но были вѣсовыми единицами (золотой шекель равнялся приблизительно 16,37 гр.). Съ другой стороны, съ израильскими областями завязываютъ прочныя торговыя связи финикіяне, преимущественно Тиръ. Впервые эти связи уста-

*) Ср напр., II Царей XV, 21, 26, 31, 36; XII 19 и др. мѣста.

навливаются при Соломонѣ, когда были выписаны мастера и матеріалы для постройки храма; въ пророческой проповѣди Тиръ и другіе финикійскіе города уже занимаютъ почетное мѣсто.

Менѣе для насъ ясна общественная эволюція Израиля послѣ Соломона; указанія традиціи слишкомъ недостаточны для того, чтобы дѣлать изъ нихъ опредѣленные выводы. Больше всего матеріала даетъ для этого проповѣдь пророковъ. Эта проповѣдь устанавливаетъ фактъ острой классовой борьбы, но въ очень общей формѣ. Мы узнаемъ изъ пророческой проповѣди о притѣсненіяхъ слабыхъ сильными и бѣдныхъ богатыми; по какія дѣйствительныя соціальныя отношенія скрываются за этой общей формулой—установить крайне трудно. Чрезвычайно характернымъ и любопытнымъ указаніемъ является однако одно опредѣленное пророческое требованіе: требованіе установить правильный судъ. Первые пророки больше всего жалуются на притѣсненія и несправедливость судей и требуютъ установленія въ судахъ милости и правды. Это указаніе для насъ прямо драгоцѣнно. Намъ извѣстенъ цѣлый рядъ аналогичныхъ примѣровъ изъ греческой, римской, русской и германской исторій, которые показываютъ намъ, что первая атака на политическія позиціи землевладѣльческой аристократіи со стороны крестьянства и бюргерства всегда направлена на ея судебныя функціи. Закрѣпленіе обычнаго права въ писанномъ кодексѣ является непремѣннымъ результатомъ побѣды этой атаки. Такъ родились законы Дракона и другихъ законодателей въ греческихъ городахъ, законы 12 таблицъ въ Римѣ; таково же происхожденіе самостоятельной юрисдикціи, основанной на римскомъ правѣ, въ средневѣковыхъ городахъ. Борьба за установленіе правильнаго суда въ Израилѣ тоже привела къ изданію законодательныхъ кодексовъ; при этомъ появившееся въ 621 г. Второзаконіе было уже переработкой болѣе ранняго кодекса, уже упоминавшейся нами «Книги Завѣта». Появленіе этой послѣдней обыкновенно относятъ къ первой половинѣ IX в.; но возможно, что она появилась и позже.

Всѣ эти обстоятельства самымъ могущественнымъ образомъ содѣйствовали и преобразованію религіознаго міросозерцанія.

Яснѣе всего религіозное развитіе обнаруживается въ исто-

ріи культа: какъ видно изъ Второзаконія (XVI, 1—17) праздники и жертвоприношенія теряютъ послѣдніе признаки связи со скотоводческимъ бытомъ и пріобрѣтаютъ исключительно земледѣльческій характеръ. Но не меньшее измѣненіе происходитъ и въ сферѣ религіозныхъ идей. Первые пророки, пастухъ Амосъ и Осія впервые выдвинули, подобно орфикамъ въ Греціи, идею объ единомъ для всего міра богѣ правды и милости. Они заявили, что народъ не имѣетъ настоящаго понятія о богѣ. Ягве, единый богъ, рядомъ съ которымъ не должно быть другихъ боговъ, ненавидитъ кровавыя жертвоприношенія, ихъ запахъ ему противенъ, онъ требуетъ, чтобы ему служили правдой и милостью. Сильные должны перестать притѣснять слабыхъ, судьи не должны обижать вдовъ и сиротъ. Если этого не будетъ, то Израилю грозитъ гибель. На него уже идетъ Ассуръ, который сокрушитъ израильское царство, и Ягве не вступится за него. Такимъ образомъ, первые пророки предвидѣли, что своекорыстная политика правящихъ классовъ неминуемо приведетъ къ краху, если не будутъ произведены реформы въ духѣ соціальной справедливости. Послѣднее требованіе они облекли въ формулу новой религіозной идеи. Эти первые пророки вышли прямо изъ народа, подобно своимъ полусказочнымъ предшественникамъ, Иліи и Елисею, боровшимся за Ягве противъ Ваала; позднѣйшіе пророки, какъ напр. Исаія, принадлежали къ верхнимъ слоямъ тогдашняго общества, но они всецѣло стояли на той же точкѣ зрѣнія. Исаія, отдѣленный отъ Амоса почти полувѣкомъ, въ своей картинѣ будущаго мессіаническаго царства (гл. XI) попрежнему мечтаетъ о томъ, что его Мессія будетъ судить слабыхъ по справедливости, бѣдныхъ по правдѣ, и будетъ поражать насильниковъ жезломъ своихъ устъ и дыханіемъ своихъ губъ.

Рядомъ съ борьбой противъ политеизма и матеріалистическаго представленія о божествѣ, пророчество выдвинуло борьбу и противъ старыхъ формъ культа. Эти старыя формы, привязанныя къ опредѣленнымъ священнымъ мѣстамъ, создавали привиллегированное положеніе для жреческихъ фамилій, владѣвшихъ такими мѣстами. Члены этихъ фамилій искусственно поддерживали притягательную силу мѣстныхъ святилищъ, которыя были имъ прямо выгодны, такъ какъ лучшія части жертвъ шли въ пользу

жрецовъ, и святилища получали огромные доходы за издаваемые ими оракулы, и такъ какъ, благодаря ихъ авторитету, народная масса была всецѣло въ цѣпкихъ рукахъ жрецовъ. Пророки насмѣшливо говорили: идите въ Гилгалъ, идите въ Самарію,— думаете, что изъ этого будетъ для васъ благо? И требуя прекращенія матеріалистическаго культа, очищенія религіи, превращенія ея въ орудіе соціальнаго переустройства, пророчество тѣмъ самымъ въ корень подрывало престижъ старыхъ традиціонныхъ культовъ и святилищъ. Такимъ образомъ, къ основной цѣли пророческаго движенія примѣшалась борьба со старымъ религіознымъ бытомъ. Жадному до мяса быковъ и тука барановъ Ягве, который не прочь былъ иногда поспорить и съ Вааломъ, пророки противопоставили своего Ягве, который вовсе не желаетъ, чтобы, прикрываясь его именемъ, тучнѣли отъ народныхъ приношеній жрецы старыхъ святилищъ и вмѣстѣ съ неправедными судьями притѣсняли народъ.

Рядомъ съ пророческой реформаціей, исходившей изъ интересовъ народной массы, шло другое реформаціонное движеніе, которое можно назвать церковнымъ. Это движеніе возникло въ средѣ жречества при іерусалимскомъ храмѣ. Когда Соломонъ построилъ этотъ храмъ, онъ преслѣдовалъ ту же цѣль, какую преслѣдовалъ и его отецъ Давидъ, перенося ковчегъ, національную святыню, въ свою крѣпость на Сіонъ. Молодая царская власть стремилась упрочить свое положеніе посредствомъ религіозной санкціи, которую должно было ей дать обладаніе народной святыней. Но завладѣвъ ковчегомъ, Давидъ сдѣлалъ дѣло только на половину. Примѣръ его предшественника Саула показывалъ, что помимо опоры, заключающейся въ собственныхъ своихъ силахъ, царь долженъ былъ имѣть опору и во вліятельномъ жреческомъ классѣ: ссора Саула съ вліятельной въ то время жреческой фамиліей, владѣвшей храмомъ въ Сило, который былъ разрушенъ филистимлянами незадолго до Саула, очень сильно повредила его положенію. Съ этой опальной фамиліей близко сошелся Давидъ и подъ ея вліяніемъ сталъ мечтать о построеніи собственнаго храма въ Іерусалимѣ. Послѣднюю задачу и выполнилъ Соломонъ и въ построенный имъ храмъ Ягве прежде всего перенесъ ковчегъ завѣта. Дальнѣйшая исторія іерусалимскаго храма вертится вокругъ политическаго соперниче-

ства между сѣвернымъ, израильскимъ царствомъ и южнымъ іудейскимъ, на которыя распалось единое царство Соломона послѣ его смерти. Это была борьба не только храма противъ высотъ, но борьба Ягве противъ другихъ боговъ: стремленіе къ политическому объединенію влекло за собою церковно-монотеистическую тенденцію. Въ борьбѣ Іуды съ Израилемъ іерусалимскій храмъ былъ въ рукахъ іудейскихъ царей большимъ козыремъ. Однако, старые освященные вѣками культы мѣстныхъ святилищъ слишкомъ крѣпко вросли въ народную почву для того, чтобы іерусалимскій храмъ могъ оттѣснить ихъ назадъ. Послѣдовавшій въ 722 г. разгромъ израильскаго царства Саргономъ, который оправдалъ печальное предсказаніе пророковъ, былъ немедленно использованъ іерусалимскимъ жречествомъ въ своихъ интересахъ. Въ это время на іерусалимскомъ престолѣ сидѣлъ Хискія (въ русской библіи Езекія); онъ принялъ крутыя мѣры противъ старыхъ мѣстъ культа и старыхъ святынь. Онъ разрушилъ святилища на высотахъ, уничтожилъ священные камни и деревья (ашеры) и разбилъ мѣднаго змѣя, котораго, по преданію, сдѣлалъ самъ Моисей: послѣ этого оставалось одно только іерусалимское святилище. Такимъ образомъ, плоды пророческой проповѣди, возставшей противъ матеріалистическаго представленія о божествѣ, пожали іерусалимскіе жрецы: пользуясь всеобщимъ смятеніемъ послѣ разгрома Самаріи, они уничтожили мѣстныя святилища, хотя культъ въ іерусалимскомъ храмѣ мало чѣмъ отличался отъ культа высотъ.

Цѣль іерусалимскаго жречества была опредѣленная: создать подъ своимъ главенствомъ единую церковную организацію; но для достиженія этой цѣли пришлось сдѣлать еще цѣлый рядъ усилій. Ассиріяне, завоевавъ Израиль, стали непосредственно грозить Іудѣ; только временно неурядицы внутри самой ассирійской монархіи задерживали неминуемую гибель Іуды. Эти грозныя тучи давали снова пищу для пророческой проповѣди, онѣ же дали и оружіе въ руки жрецовъ. Когда послѣ смерти Хискіи быстро возродились старые культы, жрецы выдвинули со своей стороны, въ противовѣсъ пророческой идеологіи свою чрезвычайно любопытную идеологію. О ея характерѣ мы можемъ составить себѣ понятіе изъ своеобраз-

ной философіи исторіи, въ духѣ которой обработаны книги Царей. Эта философія исторіи чрезвычайно простая: благополучія или несчастія парода или царя зависятъ исключительно отъ того, поскольку тотъ или другой царь или то или другое колѣно соблюдаетъ заповѣди Ягве. Содержаніе заповѣдей опредѣляется отрицательно: кто служитъ на высотахъ передъ находящимися тамъ изображеніями боговъ, тотъ нарушаетъ заповѣди Ягве и не служитъ ему; кто служитъ Ягве въ іерусалимскомъ храмѣ, тотъ соблюдаетъ его заповѣди. Ягве не уставая твердилъ этимъ упрямымъ израильтянамъ: не почитайте никакихъ другихъ боговъ, не молитесь имъ, не служите имъ, не приносите имъ жертвъ, но служите, молитесь и приносите жертвы Ягве, который вывелъ васъ изъ Египта и заключилъ съ вами завѣтъ! А они не повиновались, но поступали по своему старому обычаю: Ягве почитали, но служили и другимъ богамъ, и какъ дѣлали ихъ отцы, такъ поступали ихъ дѣти и внуки. Тогда сильно разгнѣвался Ягве на Израиля и отвратилъ свое лицо отъ него; и ничего не осталось, кромѣ одного племени Іуды (ср. II Цар. XVII, 35—41, 18). Такимъ образомъ, пророческое объясненіе гибели царства израильскаго іерусалимскіе жрецы замѣнили своимъ, крайне упрощеннымъ: достаточно приносить всѣ тѣ жертвы, которыя доселѣ приносились въ разныхъ священныхъ мѣстахъ, въ іерусалимскомъ храмѣ, на благополучіе тамошняго жречества—и все будетъ спасено. Была объявлена война Ягве противъ всѣхъ прочихъ боговъ, но не во имя этическаго монотеизма, а во имя государственно-церковнаго монотеизма.

Но Іуда, точно такъ же, какъ и Израиль, подавалъ мало надежды на исправленіе. Когда послѣ смерти Хискіи мѣстные культы снова воскресли, понадобилась болѣе серьезная мѣра. Такою явилось Второзаконіе, книга, найденная въ храмѣ при царѣ Іосіи (II Царей 22). Эта книга закона требовала служенія только Ягве и централизаціи культа въ одномъ мѣстѣ, точно опредѣляла содержаніе клира, въ пользу котораго должны были итти опредѣленныя части жертвъ, начатки вина, масла и шерсти (Второз. XII, XVIII). За неисполненіе предписанія Второзаконія были обѣщаны страшныя кары: Ягве поразитъ Іуду проклятіемъ, моровою язвою, горячкою, лихорадкою, воспаленіемъ, засухою,

ржавчиною, проказою египетскою, почечуемъ, коростою, чесоткою, сумасшествіемъ, слѣпотою, а въ концѣ концовъ предастъ его на пораженіе врагамъ и разсѣетъ его по всѣмъ царствамъ земли (Второз. XXVIII 15 и слѣд.). Іосія вторично произвелъ уничтоженіе мѣстныхъ святилищъ и объявилъ единственно законнымъ культъ Ягве въ іерусалимскомъ храмѣ. Такимъ образомъ, церковная реформація формально была завершена. Но она была движеніемъ сверху и стремилась повернуть пророческую народную реформацію въ пользу жречества. Поэтому пророчество осталось ей глубоко враждебно и продолжало указывать на необходимость моральнаго очищенія религіи. Разница была только въ томъ, что теперь пророки, какъ напр. Іеремія, мечутъ громы уже на іерусалимскій храмъ. Іеремія говорилъ: не надѣйтесь на храмъ Ягве и не думайте, что если онъ есть у васъ, то вы спасены; если вы не перестанете дѣлать злое и притѣснять слабыхъ, то гибель придетъ и на васъ. И гибель пришла въ 586 г. Составителю книгъ Царей осталось только меланхолически констатировать, что іудеи также не исполняли заповѣдей Ягве, но поступали по примѣру израильтянъ, и за это Ягве отвергъ *весь* родъ сыновъ израилевыхъ и предалъ ихъ разоренію (II Цар. XVII, 19—20).

Такимъ образомъ кончилось независимое политическое существованіе Израиля. Ни соціально-религіозная проповѣдь пророчества, ни попытки церковной реформаціи не могли спасти Израиля и Іуды отъ поглощенія ассиро-вавилонской монархіей. Это политическое поглощеніе было совершенно неизбѣжно, оно диктовалось общими условіями жизни тогдашняго культурнаго міра. Это поглощеніе сказало рѣшающее слово для направленія религіозной эволюціи. Уведенные въ плѣнъ іудеи принадлежали главнымъ образомъ къ числу знатныхъ іерусалимскихъ свѣтскихъ и жреческихъ фамилій; мелкіе люди, земледѣльцы и мелкіе виноградари были оставлены въ странѣ (II Царей XXIV, 14, XXV, 11—12). Этимъ была уничтожена почва для продолженія пророчества, но зато были созданы чрезвычайно благопріятныя условія для развитія церковности. Плѣнные іудеи въ Вавилонѣ образовали секту, въ которой руководящимъ элементомъ были жрецы Ягве изъ іерусалимскаго храма; съ этого времени всѣ стремленія іудеевъ направлены на то, чтобы выработ-

тать строгую церковную организацію и возсоздать іерусалимскій храмъ уже какъ центръ церковной общины, объединенной вокругъ культа *единаго* бога Ягве. Первоначальный планъ будущей организаціи былъ набросанъ Іезекіилемъ, пророкомъ, вышедшимъ изъ жреческой среды, и кромѣ общаго названія имѣющимъ мало общаго съ прежними пророками [4]). Въ 538 г. Киръ разрѣшилъ части іудеевъ вернуться на родину, гдѣ они немедленно принялись за возстановленіе храма. Окончательная организація церковной общины вокругъ второго іерусалимскаго храма выработалась не сразу. Только въ 444 г. книжникъ Езра завершилъ окончательную организацію этой общины на основаніи принесенной имъ изъ Вавилона «книги закона Моисеева». Эта книга представляетъ изъ себя не что иное, какъ теперешнее пятикнижіе. Законодательная часть ея составилась изъ книги завѣта, Второзаконія и составленнаго въ Вавилонѣ Priester-kodex'а, представляющаго изъ себя дальнѣйшую переработку началъ, заложенныхъ во Второзаконіи; историческая часть состоитъ отчасти изъ древнихъ преданій (ягвистъ и элогистъ), отчасти изъ историческихъ фиктивныхъ разсказовъ: историческаго вступленія во Второзаконіе и исторической части Priester-kodex'а.

Итакъ, новая церковная община имѣла опредѣленный законъ, и члены ея дали письменную клятву неуклонно соблюдать его. Въ чемъ же заключались требованія закона? Во первыхъ, онъ подчинялъ всю жизнь общины власти клира, во главѣ котораго стоялъ первосвященникъ; среднюю ступень представляли священники и самую низшую левиты; законъ точно опредѣлялъ политическія и богослужебныя права и обязанности каждой изъ этихъ трехъ ступеней клира. Каждый членъ іудейской общины обязывался строго соблюдать главныя требованія закона: обособленіе отъ язычниковъ, которые могли соблазнить его, и соблюденіе всѣхъ обрядовыхъ предписаній о жертвахъ, праздникахъ и приношеніяхъ. Эти послѣднія требованія, какъ сѣтью, опутывали всю жизнь человѣка отъ колыбели до могилы повседневно, ежечасно. За исполненіе закона было дано обѣтованіе, которое еще до сихъ поръ читается у евреевъ въ синагогѣ, какъ часть молитвы *schema*: «и если вы будете повиноваться заповѣдямъ моимъ, то я буду посылать

землѣ вашей дождь благовременный, дождь ранній и поздній, и соберешь ты. Израиль свой хлѣбъ, вино свое и масло свое и дамъ скоту твоему траву въ полѣ твоемъ, и ты будешь ѣсть его и насытишься». Это обѣтованіе касалось ближайшаго будущаго. Но еще въ эпоху Кира неизвѣстный великій пророкъ, книга котораго попала въ книгу пророка Исаіи (Исаія 40 и слѣд.) *), выставилъ такого рода идеологію: Израиль есть рабъ Ягве, который страдалъ за грѣхи міра и долженъ научить весь міръ истинной вѣрѣ; за это онъ получитъ первенство надъ всѣми народами. Эта идея, скомбинированная съ идеей о будущемъ царѣ изъ рода Давидова подлиннаго Исаіи, стала основаніемъ такъ наз. мессіанизма, т. е. ожиданія царя-помазанника (maschiah = Мессія, греч. Χριστός), который покоритъ подъ власть Израиля весь міръ и создастъ царство матеріальнаго благополучія.

Послѣ Езры вплоть до II вѣка мы имѣемъ темный промежутокъ въ исторіи общины второго храма; но въ этотъ промежутокъ выяснился цѣлый рядъ результатовъ, которая дала конституція Езры. Жизнь пошла наперекоръ ожиданіямъ, и національная замкнутость привела къ экономическому застою. Іудеямъ приходилось выбирать одно изъ двухъ: или отказаться отъ мелочного соблюденія закона и принять участіе въ міровой хозяйственной жизни, участникомъ которой волей неволей становилась Іудея со времени распространенія эллинизма, или соблюдать законъ, но зато влачить жалкое нищенское существованіе. Такимъ образомъ, первое условіе ближайшей земной награды въ видѣ многочадія и богатства оказалось невыполненнымъ. Благочестивые іудеи, hasidhim послѣплѣнной іудейской литературы или ἀσιδαῖοι I Мак., сплошь и рядомъ попадали въ положеніе многострадальнаго Іова, и несмотря на свое благочестіе, терпѣли несчастія и притѣсненія со стороны болѣе счастливыхъ «сыновъ беззаконія», безбожниковъ или нечестивцевъ (reschahim послѣплѣнной іудейской литературы). Это противорѣчіе между идеаломъ и дѣйствительностью приводило многихъ къ печальному выводу, что богъ, не исполняющій обѣтованій, не есть богъ; а вмѣстѣ съ этимъ должны были рушиться всѣ клятвенныя обѣщанія. «Сыны беззаконія»

*) Его называютъ Второисаіей.

открыто пошли навстрѣчу эллинизму, и съ ихъ помощью Антіохъ Епифанъ хотѣлъ провести свою безумную попытку эллинизаціи Іудеи посредствомъ религіозной реформы. На это послѣдовалъ неудержимый взрывъ народнаго возстанія подъ руководствомъ Маккавеевъ, который приблизительно на сто лѣтъ сдѣлалъ Іудею независимымъ свѣтскимъ царствомъ, пока ее не покорилъ Помпей. Но раздѣленіе на асидеевъ и решаимъ не только осталось, но пошло вглубь: эти два теченія преобразовались въ общественныя религіозно-политическія партіи фарисеевъ и саддукеевъ.

Дальнѣйшее лежитъ уже внѣ предѣловъ нашей темы. Предшествующее краткое изложеніе религіозной эволюціи Израиля и Іуды выяснило для насъ основные моменты религіозной жизни Израиля послѣ Соломона. Этимъ дается критерій для опредѣленія времени происхожденія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ псалмовъ и цѣлыхъ ихъ группъ. Привлекая, кромѣ того, въ качествѣ критерія данныя языка, мы можемъ болѣе или менѣе опредѣленно разбить псалмы по ихъ происхожденію или характеру на опредѣленныя группы.

V. Псалмы эпохи іудейскаго царства и эпохи плѣна.

На основаніи предшествующаго изложенія мы можемъ установить слѣдующія условія, которымъ должны удовлетворять псалмы доплѣнной эпохи, если признать, что составленіе псалмовъ началось еще въ эпоху существованія перваго іерусалимскаго храма. Прежде всего, такіе псалмы должны содержать въ себѣ указанія на существованіе царства и народа, а не религіозной общины и вѣрныхъ ея членовъ; этимъ условіемъ уже напередъ исключается весьма многочисленная группа псалмовъ, которая предполагаетъ существованіе церковной общины, члены которой связаны опредѣленнымъ закономъ. Это первое условіе, однако, еще недостаточно: какъ мы знаемъ, въ эпоху послѣ плѣна существовало около ста лѣтъ свѣтское асмонейское царство, основавшееся послѣ возстанія Маккавеевъ. Такъ какъ мы знаемъ, что псалмопѣвческое творчество

не прекратилось въ эпоху и этого царства, какъ показываетъ апокрифическій сборникъ псалмовъ Соломона, появившійся какъ разъ въ первомъ вѣкѣ и содержащій въ себѣ псалмы, не уступающіе съ точки зрѣнія поэтичности и языка каноническимъ *), то такъ называемые «царскіе» псалмы лишь въ томъ случаѣ можно причислить къ доплѣннымъ, если они содержатъ указанія на историческую ситуацію доплѣннаго періода, и если ихъ языкъ не обнаруживаетъ характерныхъ особенностей поздняго еврейскаго языка. Имѣя въ виду эти условія, мы можемъ найти во всей книгѣ псалмовъ всего лишь нѣсколько такихъ, которые безспорно могутъ быть отнесены къ доплѣнной эпохѣ.

Прежде всего къ числу такихъ псалмовъ надо отнести уже упоминавшійся нами псаломъ 18 (см. гл. III). За такую дату этого псалма прежде всего говоритъ то обстоятельство, что онъ включенъ во вторую книгу Самуила, окончательная редакція которой имѣла мѣсто не позднѣе, какъ лѣтъ 25 спустя послѣ паденія Іерусалима (около 561 г.). Датировать этотъ псаломъ опредѣленнымъ моментомъ очень трудно; весьма возможно, что онъ, какъ говоритъ Чейни (Cheyne), былъ составленъ въ эпоху царя Іосіи, когда ассирійская держава была въ очень затруднительномъ положеніи, и Іуда могъ считать себя спасеннымъ отъ гибели. Нѣмецкіе комментаторы предполагаютъ, что первоначально этотъ псаломъ былъ составленъ Давидомъ, но потомъ неизвѣстный поэтъ переработалъ и дополнилъ его въ духѣ пророческихъ идей, такъ какъ Ягве прославляется тамъ не только, какъ богъ Израиля, но какъ богъ владычествующій надъ всѣми народами.

Другой псаломъ, безспорно относящійся къ эпохѣ до плѣна, есть псаломъ 45. Этотъ псаломъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что рядомъ съ Пѣснею Пѣсней онъ является произведеніемъ совершенно свѣтскаго характера и лишь случайно попалъ въ книгу псалмовъ. Онъ, повидимому, былъ составленъ

*) Этотъ сборникъ, какъ и вся литература этого періода (Маккавейскія книги и апокрифическія книги Езры, книга Сираха и др.), не дошелъ до насъ въ оригиналѣ; мы имѣемъ только его греческій переводъ. Онъ содержитъ въ себѣ 18 псалмовъ, которые проникнуты асидейской тенденціей и содержатъ цѣлый рядъ указаній на главные моменты борьбы религіозно-политическихъ партій въ эпоху Асмонеевъ.

по случаю свадьбы царя. Мое сердце полно праздничнаго веселія, я пою свои пѣсни царю, говоритъ поэтъ: мой царь прекраснѣе всѣхъ людей, онъ герой, опоясанный мечемъ, мечущій острыя стрѣлы, народы падаютъ вокругъ него; но въ то же время онъ любитъ справедливость и ненавидитъ зло. Вотъ онъ выступаетъ въ одеждѣ, благоухающей миррой и алоэ, подъ звуки струнной музыки, радостно доносящейся изъ его дворца. Царскія дочери идутъ вмѣстѣ съ нимъ, а по правую руку его супруга *), украшенная офирскимъ золотомъ. Слушай, дочь моя, (обращается поэтъ къ супругѣ царя), смотри и склони свое ухо, забудь свой народъ и домъ своего отца и дай царю, господину твоему, насладиться твоею красотой. Всю изукрашенную привели тебя къ царю съ твоими дѣвами-подругами. На мѣсто твоихъ отцовъ, царь, вступятъ теперь твои сыновья, ты поставишь ихъ князьями по всей странѣ, и имя твое не забудется во всѣ роды.

Этотъ совершенно свѣтскій псаломъ не мало смущалъ и синагогу и древнюю церковь. Неловкость была устранена тѣмъ, что раввины стали толковать царицу, какъ іудейскую общину, царя, какъ будущаго Мессію, а христіане истолковали этотъ псаломъ, какъ и Пѣснь Пѣсней, въ качествѣ прообраза союза Христа съ церковью. На самомъ же дѣлѣ этотъ псаломъ есть не что иное, какъ одно изъ уцѣлѣвшихъ произведеній придворныхъ менестрелей, служившихъ при іудейскихъ и израильскихъ царяхъ, какъ въ свое время Давидъ служилъ музыкантомъ при Саулѣ. Текстъ этого псалма сохранился довольно плохо, такъ что нѣкоторыя мѣста поддаются довольно трудно переводу.

Остаются еще три псалма, въ которыхъ есть упоминаніе о царѣ. Это псалмы 20, 21 и 2. Въ псалмѣ 20 авторъ проситъ Ягве помочь царю. Онъ напоминаетъ Ягве о всѣхъ приношеніяхъ и всесожженіяхъ царя и выражаетъ надежду, что царю будетъ дана побѣда надъ врагомъ, и народъ будетъ ликовать о ней. Въ 21 псалмѣ выражается благодарность Ягве за тѣ благодѣянія, которыя онъ оказалъ царю, но въ самой общей формѣ.

*) Евр. слово *scheghal*, поставленное здѣсь, обозначаетъ настоящую царицу въ противоположность подчиненнымъ наложницамъ, которыя обозначаются словомъ *pilgeschim*.

безъ указанія на помощь въ какомъ нибудь опредѣленномъ дѣлѣ. Наконецъ во 2-мъ псалмѣ говорится, что народы всего міра возстали противъ Ягве и его помазанника. Но тотъ, кто сидитъ на небѣ, смѣется надъ ними. Онъ говоритъ царю: ты сынъ мой, я сегодня родилъ тебя, повинуйся мнѣ, и я отдамъ тебѣ всѣ народы и всю землю, и ты раздробишь ихъ желѣзной палкой, какъ глиняную посуду. Поэтому, цари должны быть благоразумны, служить Ягве въ страхѣ и лобзать его сына, чтобы онъ на нихъ не гнѣвался. Если псалмы 20 и 21 могутъ быть отнесены къ доплѣнной эпохѣ, такъ какъ они находятся въ древнѣйшей части книги псалмовъ и языкъ ихъ не обнаруживаетъ никакихъ позднихъ примѣсей, то нельзя сказать того же про псаломъ 2-й. Ясно, что въ немъ говорится не о реальномъ царѣ, а объ ожидаемомъ царѣ Мессіи. При этомъ этотъ царь Мессія будетъ не спеціально іудейскій царь, какимъ его представлялъ Исаія, а царь надъ всѣми народами, т. е. такой царь, который соотвѣтствуетъ послѣплѣнным ожиданіямъ. Наконецъ, языкъ псалма обнаруживаетъ цѣлый рядъ характерныхъ особенностей поздняго еврейскаго языка; поэтому его приходится отнести къ эпохѣ послѣ плѣна, но опредѣленную дату установить невозможно. Псаломъ 50 изображаетъ судъ Ягве надъ своимъ народомъ, въ пророческомъ духѣ. «Богъ боговъ (по тексту LXX, болѣе раннему и точному; евр. текстъ интерполированъ) Ягве говоритъ и зоветъ землю отъ востока до запада. Онъ идетъ и не можетъ молчать; всепожирающій огонь идетъ впереди его, и вокругъ него свирѣпствуетъ буря. Онъ зоветъ небо и землю, чтобы судить свой народъ. Слушай, мой народъ, говоритъ Ягве, я—Ягве, твой богъ. Не за жертвы твои я буду съ тебя взыскивать: мнѣ не надо быковъ изъ твоего дома, барановъ изъ твоего стада, ибо моя вся дичь въ лѣсу и звѣри на тысячахъ горъ. Развѣ я ѣмъ мясо быковъ, развѣ я пью кровь барановъ? Приноси богу въ жертву благодарность, обѣты и призывай меня въ день нужды: я приду къ тебѣ и помогу тебѣ. А преступнику говоритъ богъ такъ: что ты пересчитываешь мои постановленія, и зачѣмъ у тебя на устахъ мой завѣтъ, когда ты ненавидишь послушаніе, когда ты ходишь вмѣстѣ съ воромъ и имѣешь общеніе съ прелюбодѣями? Ты говоришь противъ братьевъ,

оскорбляешь сыновей твоей матери и думаешь, что я таковъ же, какъ ты? Я жестоко накажу тебя»... Псаломъ появился въ іудейскомъ царствѣ, такъ какъ Сіонъ въ псалмѣ называется вѣнцомъ красоты; онъ цитируется въ «Плачѣ Іереміи». Такъ какъ есть упоминаніе о постановленіяхъ закона, то онъ появился послѣ 621 г.

Остаются еще 4 псалма, которые по языку и по содержанію могутъ быть отнесены къ доплѣнному періоду, хотя и не всѣ съ одинаковою достовѣрностью. Это, во первыхъ, псаломъ 29, въ которомъ Ягве описывается такими чертами: Ягве издаетъ раскаты грома надъ водами; его громовой голосъ раздробляетъ кедры Ливанскіе, заставляетъ ихъ скакать, какъ теленка. Отъ его громовъ содрагается пустыня Кадешъ и валятся лѣса. Этотъ грозный богъ дастъ своему народу силу и благословитъ его миромъ. Псаломъ 60 содержитъ обращеніе къ Ягве съ просьбой о помощи. Богъ далъ обѣщаніе въ своемъ святилищѣ, что онъ отдастъ въ руки Израиля Моава, Эдома и филистимлянъ, но этой помощи народъ не видитъ. Псаломъ кончается такими словами: неужели ты, богъ, отвергъ насъ и не пойдешь вмѣстѣ съ нашими войсками? дай намъ помощь противъ враговъ, ибо человѣческая помощь напрасна... вмѣстѣ съ богомъ мы совершимъ геройскіе подвиги, и онъ ниспровергнетъ нашихъ враговъ. Въ псалмѣ 48 прославляется Ягве въ городѣ великаго царя на Сіонѣ на крайнемъ сѣверѣ за ту побѣду, которую онъ даровалъ надъ врагомъ, осаждавшимъ Іерусалимъ. Ходите кругомъ Сіона, бодрствуйте на его валу, ходите по вашимъ дворцамъ и разскажите будущему поколѣнію, что намъ помогъ Ягве, нашъ богъ: вѣчно онъ будетъ нашимъ предводителемъ—такимъ воинственнымъ приглашеніемъ оканчивается псаломъ. Большинство толкователей предполагаетъ, что псаломъ былъ написанъ по случаю истребленія чумой войска Санхериба и спасенія Іерусалима въ 701 г. Эти три псалма, безспорно, относятся къ доплѣнному періоду. Послѣдній псаломъ 46 споренъ: онъ представляетъ изъ себя побѣдный гимнъ («Богъ намъ прибѣжище и сила»), ритмически построенный въ три строфы, причемъ каждая кончается припѣвомъ: Ягве вмѣстѣ съ нами, нашъ оплотъ богъ Іакова. По содержанію его трудно пріурочить къ опредѣленнымъ событіямъ, и по-

этому нѣкоторые толкователи думаютъ, что онъ были составленъ въ эпоху побѣдоносныхъ Маккавейскихъ войнъ.

Этимъ и ограничивается число тѣхъ псалмовъ, которые могутъ быть отнесены къ доплѣнному періоду. Мы нарочно остановились на нихъ такъ подробно, чтобы при послѣдующей характеристикѣ псалмовъ эпохи плѣна и послѣ плѣна читателю ясно было видно, что между этими двумя группами псалмовъ существуетъ глубокое различіе, и что всѣ послѣдующіе псалмы никоимъ образомъ, даже путемъ натяжекъ, не могутъ быть пріурочены къ болѣе раннему времени. Вышеприведенная характеристика показываетъ, что содержаніе и тонъ разобранныхъ псалмовъ вполнѣ гармонируетъ со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о доплѣнномъ періодѣ: одинъ изъ нихъ носитъ совершенно свѣтскій характеръ, остальные призываютъ Ягве, но какъ спеціальнаго бога войны, живущаго на Сіонѣ. Это послѣднее обстоятельство показываетъ намъ, что разобранные псалмы были составлены въ іудейскомъ царствѣ, такъ какъ сообразно съ тѣмъ представленіемъ, которое стремилось создать іерусалимское жречество, Ягве со времени построенія іерусалимскаго храма переселился съ Синая на Сіонъ.

Слѣдующая группа псалмовъ—это псалмы эпохи плѣна. Это также небольшая группа, изъ которой общеизвѣстенъ псаломъ 137: «На рѣкахъ вавилонскихъ тамъ сидѣли мы и плакали, вспоминая о Сіонѣ». Этотъ псаломъ существуетъ въ прекрасномъ стихотворномъ переводѣ Яхонтова и принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ еврейской поэзіи. Псаломъ проникнутъ горячею ненавистью къ эдомитянамъ, радовавшимся разрушенію Іерусалима, и къ вавилонянамъ за тѣ горести, которыя они причинили іудеямъ. Онъ кончается такими словами: «припомни Ягве сынамъ Эдома день Іерусалима, когда восклицали они: ниспровергайте его до основанія! Дочь Вавилона опустошительница, да будетъ благо тому, кто отплатитъ тебѣ за то, что ты намъ сдѣлала, да будетъ благо тому, кто схватитъ твоихъ дѣтей и разобьетъ ихъ о камень». Изъ другихъ псалмовъ этой же группы яснѣе всего выдѣляются 42 и 43. Эти псалмы, несомнѣнно, первоначально составляли одинъ псаломъ, что видно изъ ихъ техническаго сложенія: по содержанію псаломъ 43 представляетъ непосредственное продолженіе 42.

Авторъ псалма пишетъ въ плѣну, тоскуя по родинѣ, отъ которой онъ оторванъ, и о храмѣ, въ которомъ онъ руководилъ процессіями. «Какъ лань, вздыхающая о водахъ ручья, такъ вздыхаетъ душа моя о тебѣ, о богъ; слезы стали моею пищею день и ночь. Но что ты унываешь, душа моя, и волнуешься? Надѣйся на бога, ибо буду я его еще славить, буду славить спасеніе, которое придетъ для меня и моего бога». Изъ конца псалма видно, что на родинѣ храмъ Ягве существуетъ въ неприкосновенности, и тамъ продолжаютъ приносить жертвы. Отсюда ясно, что псаломъ составленъ въ изгнаніи однимъ изъ жрецовъ іерусалимскаго храма, который былъ уведенъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками при царѣ Іоахинѣ въ 597 г., послѣ первой осады Іерусалима вавилонянами. Приблизительно такая же точно ситуація въ псалмахъ 61 и 63. Далѣе къ эпохѣ плѣна можно отнести еще нѣсколько псалмовъ, ничѣмъ не выдающихся по своему содержанію. Это псалмы: 14 тождественный съ 53, въ которомъ выражается такое желаніе: о пусть придетъ спасеніе Израилю съ Сіона! когда Ягве повернетъ судьбу своего народа, ликуй, Іаковъ, радуйся, Израиль!; псаломъ 77, гдѣ поэтъ, находящійся въ тяжкой нуждѣ, вспоминаетъ о дняхъ старины, о давно прошедшихъ годахъ, вспоминаетъ всѣ благодѣянія Ягве и задается вопросомъ: неужели Ягве забылъ свое обѣтованіе и навѣки отказалъ Израилю въ своей милости? Далѣе псаломъ 51, извѣстная покаянная молитва: «помилуй меня, боже, по твоей милости и по твоему великому милосердію очисти мои грѣхи». Поэтъ, находившійся, очевидно, подъ вліяніемъ пророческихъ идей, говоритъ: «тебѣ не нравятся жертвы закланія, ты не любишь жертвъ всесожженія, но ты не отвергнешь сокрушеннаго и разбитаго сердца. Окажи милость свою Сіону, построй стѣны Сіона—тогда будутъ угодны тебѣ жертвы, тогда принесутъ на алтарь твой тельцовъ». Авторъ псалма 102 также молитъ о милости къ Сіону: его сердце высохло, какъ спаленная солнцемъ трава, онъ забываетъ о пищѣ, кожа его пристала къ костямъ, онъ все равно что пеликанъ въ пустынѣ, какъ филинъ на развалинахъ, все сидитъ и плачетъ, какъ одинокая птица на кровлѣ; вмѣсто хлѣба онъ ѣстъ пепелъ и смѣшиваетъ питье свое со слезами. Но онъ надѣется на милость Ягве, вѣчную, какъ его тронъ: Ягве услы-

шитъ съ неба вздохи плѣнныхъ и освободитъ своихъ сыновъ отъ смерти; онъ вновь построитъ Сіонъ и явится въ своемъ величіи, а возсозданный народъ будетъ его прославлять. Всѣ перечисленные псалмы полны тоски о прошломъ и мечтаній о будущемъ; всѣ они написаны въ первое время плѣна, когда униженіе еще слишкомъ больно чувствовалось Пс. 47, послѣдній псаломъ, относящійся къ этой группѣ, уже полонъ ликованія. По своему настроенію и содержанію онъ чрезвычайно близко родствененъ Второисаіи и написанъ, несомнѣнно, одновременно съ сороковыми главами книги пророка Исаіи, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ вступленія на престолъ Кира, который тотчасъ же послѣ взятія Вавилона разрѣшилъ іудеямъ вернуться. Этотъ псаломъ является какъ бы заключительнымъ ликующимъ аккордомъ для всей указанной серіи, авторы которой переходятъ безпрерывно отъ отчаянія къ надеждѣ, и по настроенію представляетъ прекрасный переходъ къ послѣдующей серіи псалмовъ первой эпохи послѣ плѣна. Рукоплещите, всѣ народы, и привѣтствуйте бога ликующими криками, говоритъ авторъ псалма, ибо всевышній Ягве возсѣлъ наконецъ на своемъ святомъ тронѣ, какъ царь надъ всею землею и надъ всѣми народами. Онъ избралъ насъ, какъ своихъ наслѣдниковъ, какъ гордость Іакова, котораго онъ любитъ, онъ покоритъ подъ нашу власть народы земли—итакъ, славьте бога, славьте, славьте нашего царя, славьте!

VI. Псалмы эпохи общины второго храма.

Переходя къ разбору псалмовъ послѣплѣнной эпохи, мы прежде всего должны установить надежный критерій, который далъ бы намъ безспорное право относить всѣ прочіе псалмы именно къ эпохѣ послѣ плѣна. Такихъ критеріевъ можно установить три. Первый изъ этихъ критеріевъ является совершенно объективнымъ, а потому и безспорнымъ. Этотъ критерій—языкъ всѣхъ остальныхъ псалмовъ. Языкъ этихъ псалмовъ обнаруживаетъ специфическое словоупотребленіе. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе терминологія псалмовъ. Мы уже упоминали въ предшествующей главѣ, что исторія общины второго

храма характеризуется расколомъ членовъ общины на праведныхъ и нечестивцевъ, изъ которыхъ въ первомъ вѣкѣ образовались фарисейская и саддукейская партіи. Цѣлый рядъ псалмовъ и занятъ изображеніемъ обостренныхъ отношеній между праведными и нечестивцами. Однако, праведные и нечестивцы могли, конечно встрѣчаться и до плѣна, хотя окраска ихъ была нѣсколько иная; гдѣ же у насъ ручательство за то, что псалмы говорятъ именно о расколѣ послѣплѣнной эпохи? Это ручательство даетъ намъ терминологія псалмовъ. Для обозначенія нечестивца, не признающаго законъ, псалмы употребляютъ слово *raschah*, множ. *reschahim*. Это слово встрѣчается въ ветхомъ завѣтѣ въ разныхъ числахъ и формахъ всего 263 раза, изъ нихъ въ доплѣнной литературѣ всего 24 раза. Изъ этихъ 24 случаевъ употребленія этого слова въ доплѣнной литературѣ оно встрѣчается девять разъ въ значеніи *виновный*, *неправый*, *несправедливый* въ смыслѣ юридической виновности. Іезекіиль (ранняя эпоха плѣна) вводитъ это слово въ оборотъ: въ его книгѣ это слово уже встрѣчается 22 раза, но опять таки отчасти въ старомъ значеніи, отчасти въ значеніи: нечестивецъ, попирающій нравственый законъ. Всѣ прочіе случаи употребленія этого слова падаютъ уже на литературныя произведенія послѣ Езры. Оно встрѣчается въ книгахъ Притчъ, Іова и въ псалмахъ и означаетъ человѣка, не соблюдающаго законъ и смѣющагося надъ нимъ, въ противоположность людямъ праведнымъ, соблюдающимъ законъ. Для обозначенія послѣднихъ въ псалмахъ употребляются два термина: *saddîk* и *hasidh*, причемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о борьбѣ между двумя теченіями, употребляется терминъ *hasidh*. Этотъ послѣдній терминъ въ качествѣ обозначенія совершенно опредѣленной группы въ общинѣ второго храма употребленъ въ первой Маккавейской книгѣ, въ греческой транскрипціи ἀσιδαῖοι (I Макк. VII, 13—14). Это слово встрѣчается въ ветхомъ завѣтѣ въ разныхъ формахъ 33 раза, изъ нихъ въ доплѣнной литературѣ всего 3 раза. Изъ остальныхъ тридцати случаевъ употребленія этого слова въ послѣплѣнной литературѣ 26 разъ падаетъ на псалмы. Далѣе въ псалмахъ обращаетъ на себя вниманіе употребленіе слова *kodhesch*, множ. *kadhoschim*. Это слово имѣетъ абстрактное значеніе *святость* и конкретное значеніе

святое, въ смыслѣ всякой святой вещи или лица обладающаго святостью. Оно употребляется почти исключительно въ произведеніяхъ послѣплѣнной литературы: въ законодательныхъ частяхъ Priesterkodex'а, въ добавленіяхъ книгъ Хроникъ, въ книгахъ, Езры, Нееміи и въ псалмахъ. Въ псалмахъ это слово употребляется въ двухъ техническихъ терминахъ: *святое святыхъ*, терминъ для обозначенія самой священной части скиніи собранія и второго храма, куда могъ входить только первосвященникъ, и для обозначенія *святыхъ всевышняго*, т. е. праведниковъ, вѣрно служащихъ богу и будущихъ наслѣдниковъ мессіаническаго царства. Первый терминъ постоянно употребляется въ Priesterkodex'ѣ и въ книгахъ Хроникъ, а второй встрѣчается, кромѣ псалмовъ, еще въ книгѣ Даніила. Наконецъ, въ цѣломъ рядѣ псалмовъ встрѣчается много арамаизмовъ, т. е. формъ и словъ, заимствованныхъ изъ арамейскаго языка, на которомъ говорили жители Палестины въ эпоху послѣ плѣна *).

Если эти данныя языка являются совершенно объективнымъ, неопровержимымъ доказательствомъ того, что псалмы, характеризующіеся имп, принадлежатъ къ эпохѣ послѣ плѣна, то два другіе критерія не обладаютъ такою же самоочевидною безспорностью. Но въ связи съ данными языка они дѣлаютъ позицію защитниковъ послѣплѣннаго происхожденія большей части псалмовъ совершенно неприступною. Мы имѣемъ здѣсь въ виду два критерія, вытекающіе изъ содержанія и назначенія псалмовъ. Цѣлый рядъ псалмовъ, о которыхъ мы будемъ говорить особо, предназначенъ спеціально для церковнаго употребленія во время общественнаго богослуженія и имѣетъ спеціально для этого приспособленную техническую форму, которая давала возможность принимать участіе въ исполненіи такихъ псалмовъ поочередно священникамъ, левитамъ, вѣрнымъ и наконецъ прозелитамъ. Эти четыре іерархическихъ ступени религіознаго общества существовали только въ эпоху общины второго храма и только тогда же было введено въ употребленіе при богослуженіи пѣніе псалмовъ. Другая группа псалмовъ, о которой мы уже говорили во второй главѣ, это пѣсни пилигримовъ. Но па-

*) Вліяніе этого языка было настолько велико, что на немъ написаны даже части книгъ Езры и Даніила.

ломничество въ Іерусалимъ, какъ къ святому мѣсту, появляется тоже только послѣ плѣна, когда значительная часть іудеевъ разсѣялась по различнымъ странамъ и городамъ тогдашняго культурнаго міра и приходила въ Іерусалимъ только на главные праздники. Что касается до критерія, извлекаемаго изъ содержанія псалмовъ, то прежде всего громадное большинство псалмовъ говоритъ объ опредѣленномъ святомъ законѣ, за исполненіе котораго праведника ждутъ богатыя и великія милости на землѣ. Это не естественный или нравственный законъ, о которомъ напоминали пророки, а законъ церковный; въ то же самое время это не можетъ быть Второзаконіе, такъ какъ псалмамъ совершенно чужда мысль, чтобы рядомъ съ Іерусалимскимъ храмомъ въ Іудеѣ могло существовать или существовало какое-нибудь другое святилище, какого бы то ни было бога. Но за исключеніемъ этихъ возможностей остается только законъ, введенный Ездрой, такъ какъ никакого другого закона исторія Іуды и Израиля больше не знала. Далѣе, есть нѣсколько псалмовъ, которые написаны на темы, взятыя изъ произведеній послѣплѣнной литературы: таковы, напримѣръ, три псалма (8, 33 и 104), восхваляющіе красоту творенія, авторы которыхъ несомнѣнно вдохновлялись разсказомъ о твореніи, содержащемся въ Быт. I (эта глава относится къ исторической части Priesterkodex'a), и псаломъ 88, имѣющій одинаковый сюжетъ съ Іовомъ. Наконецъ, есть нѣсколько составныхъ псалмовъ, представляющихъ изъ себя компиляцію частей другихъ псалмовъ. Таковы псалмы: 71, составленный изъ цитатъ, заимствованныхъ изъ псалмовъ 22, 31, 35, 40; пс. 108, состоящій изъ фрагментовъ 57 и 60 пс.; пс. 144, представляющій изъ себя соединеніе стиховъ пс. 18, 8, 33, 104 (только ст. 12—15 оригинальны). Наконецъ, пс. 86 представляетъ изъ себя настоящую мозаику изъ цитатъ другихъ псалмовъ и изъ другихъ произведеній ветхозавѣтной литературы. То же самое до извѣстной степени имѣетъ силу и по отношенію къ самому длинному изъ всѣхъ псалмовъ, пс. 119. Этотъ псаломъ технически построенъ крайне искусственно (см. слѣдующую главу), а по содержанію не содержитъ ни одной оригинальной мысли: повторяются избитыя фразы о hasidhim и reschahim въ нравоучительномъ духѣ; языкъ бѣденъ оригинальными образами.

Таковы тѣ критеріи, на основаніи которыхъ мы можемъ установить послѣплѣнное происхожденіе цѣлыхъ группъ псалмовъ. За исключеніемъ этихъ большихъ группъ, останутся немногочисленные отдѣльные псалмы, принадлежность которыхъ къ эпохѣ послѣ плѣна выясняется изъ ихъ индивидуальнаго содержанія. Обзоръ псалмовъ послѣплѣнной эпохи удобнѣе всего начать какъ разъ съ этой послѣдней категоріи псалмовъ, такъ какъ хронологически они почти всѣ за немногими исключеніями стоятъ раньше всѣхъ остальныхъ псалмовъ послѣплѣнной эпохи.

Всѣ почти псалмы этой категоріи принадлежатъ къ эпохѣ построенія второго храма и введенія закона. Тутъ прежде всего мы укажемъ на псалмы 95—100 и пс. 93. Во всѣхъ этихъ псалмахъ выражается радость и ликованіе по поводу мессіаническаго суда надъ всѣми народами; вмѣстѣ съ этимъ называется храмъ, а образы псалмовъ родственны образамъ пророческой поэзіи. Такая историческая ситуація соотвѣтствуетъ только эпохѣ окончанія храма. Пророки этой эпохи совершенно опредѣленно указывали, что возвѣщенное еще Второисаіей время владычества Израиля надъ всѣми народами, послѣ того, какъ Ягве совершитъ надъ ними свой судъ, настанетъ какъ разъ тогда, когда будетъ окончено построеніе храма. Наиболѣе типичны изъ всѣхъ этихъ псалмовъ псалмы 98 и 99. Эти псалмы очень красивы, такъ что мы позволимъ себѣ привести изъ нихъ подробныя цитаты. Псаломъ 98: Пойте Ягве новую пѣснь, ибо онъ дѣлаетъ чудеса, онъ возвѣщаетъ свое спасеніе и открылъ предъ глазами народовъ свою справедливость. Онъ вспомнилъ о своей милости къ Іакову и о своей вѣрности дому Израиля. Видѣли всѣ концы земли спасеніе, пришедшее отъ нашего бога. Пусть весь міръ ликуетъ передъ Ягве и привѣтствуетъ его игрой на цитрахъ и громкимъ пѣніемъ; пусть море шумитъ всѣми своими волнами, пусть ему аккомпанируетъ вся земля, рѣки и горы: ибо Ягве идетъ судить землю, онъ будетъ судить землю по правдѣ и народъ по справедливости. 99 псаломъ: Ягве сдѣлался царемъ: пусть дрожатъ народы! Его тронъ на керубахъ: пусть дрожитъ земля! Ягве великъ на Сіонѣ и высоко поднялся надъ всѣми народами: пусть они славятъ твое имя великое и грозное! (припѣвъ: онъ свять)! Ты,

Ягве, устроилъ правильный порядокъ, ты воздалъ Іакову по праву и по справедливости: славьте Ягве, нашего бога, падите ницъ передъ скамейкой, на которой покоятся его ноги. Затѣмъ къ той же эпохѣ окончанія храма относится псаломъ 24. Этотъ псаломъ состоитъ изъ двухъ частей, первоначально существовавшихъ въ видѣ отдѣльныхъ псалмовъ: первая часть говоритъ о томъ, кто можетъ взойти во святое жилище Ягве на его горѣ (ст. 1—6), а вторая часть, отличная и по настроенію и по языку, описываетъ вступленіе Ягве во храмъ. Первая часть болѣе поздняя и довольно шаблонная по идеѣ: взойти въ храмъ можетъ тотъ, у кого чистыя руки и открытое сердце, кто не задается суетными желаніями, а постоянно спрашиваетъ и ищетъ Ягве. Вторая часть зато очень красива и по языку родственна Второисаіи: «раздайтесь вышь, вѣчныя ворота, чтобы могъ войти царь славы! Но кто царь славы? Это Ягве воинствъ, могучій герой, онъ царь славы». По всѣмъ вѣроятіямъ, соединеніе этихъ двухъ отрывковъ въ одинъ послѣдовало во время окончанія постройки храма. Точно таковъ же по своей техникѣ псаломъ 19. Первая часть (ст. 2—7) болѣе ранняго происхожденія, а вторая часть болѣе поздняго. Въ первой части изображается величіе бога, какъ создателя земли, неба и всей вселенной; вторая часть, ритмъ которой рѣзко отличенъ отъ ритма первой части, въ параллель величію бога, изображенному въ первой части, рисуетъ величіе закона: «Законъ Ягве безупреченъ, онъ освѣжаетъ душу. Свидѣтельство Ягве вѣрно, простыхъ дѣлаетъ мудрыми. Повелѣнія Ягве правильны, радуютъ сердце, приказанія Ягве ясны, просвѣтляютъ взоры. Служеніе Ягве чисто, не прекратится вовѣкъ. Постановленія Ягве—сама истина, всегда справедливы; они соблазнительнѣе, чѣмъ золото, чѣмъ груды самаго чистаго золота, они слаще, чѣмъ самый сладкій сотовый медъ». Этотъ псаломъ единственный, въ которомъ характеризуется такими заманчивыми красками законъ, и величіе его приравнивается къ величію самого бога; другой даты, кромѣ эпохи введенія закона при Езрѣ, когда вся община была охвачена необыкновеннымъ религіознымъ энтузіазмомъ, подыскать нельзя. Къ этой же эпохѣ относится и псаломъ 78, въ которомъ дается обзоръ чудесъ Ягве со времени исхода изъ Египта и дѣлается

предупрежденіе впредь не грѣшить. Это содержаніе какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ тѣмъ покаяннымъ размышленіямъ, которымъ предавались іудеи при введеніи закона Езрой (ср. Неем. IX).

Слѣдующая по времени весьма многочисленная группа псалмовъ говоритъ уже о противоположности между праведниками и беззаконниками. Къ этой группѣ псалмовъ мы относимъ тѣ псалмы, въ которыхъ еще нѣтъ указаній на острое положеніе дѣла, т. е. такіе псалмы, въ которыхъ праведники еще выражаютъ увѣренность въ спасительномъ дѣйствіи праведности и не сомнѣваются въ погибели нечестивыхъ: если беззаконникъ и счастливъ, то его счастье непрочно и мимолетно. Другими словами, эти псалмы еще не ставятъ той проблемы, которая такъ остро поставлена въ книгѣ Іова: не безполезна ли праведность, когда праведнаго постигаютъ безпричинныя несчастья, и существуетъ ли богъ, разъ онъ лживъ и не исполняетъ своихъ обѣтованій? Программнымъ псалмомъ для всей этой серіи можетъ служить первый псаломъ, который мы уже приводили въ четвертой главѣ; кромѣ этого псалма, къ этой группѣ еще относятся 19 псалмовъ: 9, 10, 15, 16, 23, 32, 34, 37, 62, 75, 92, 101, 103, 111+112 (одинъ псаломъ, случайно раздѣленный на два), 128 (изъ собранія «пѣсенъ пилигримовъ»), 139 и 145. Изъ всей этой группы наиболѣе типичными надо признать слѣдующіе псалмы: пс. 1-й, похожіе на него пс. 15 и 16 и псалмы 32, 37 и 128. «Безчисленны болѣзни нечестиваго; но кто довѣряется Ягве, того онъ окружитъ своею милостью», говоритъ авторъ пс. 32. Пс. 37 рисуетъ эти «безчисленныя болѣзни» нечестивца, а пс. 128— счастье праведника. Оба псалма настолько типичны, что ихъ стоитъ привести въ подробномъ изложеніи. «Не возмущайся и не возставай противъ злодѣевъ и дѣлающихъ дурное, совѣтуетъ авторъ 37 пс.: ибо они увянутъ и зачахнутъ такъ же быстро, какъ зеленая трава. Довѣряй Ягве и дѣлай добро, тогда исполнятся желанія твоего сердца, и твое право будетъ сіять, какъ полдень. Нечестивые будутъ истреблены; погоди немного—и не останется ни одного нечестиваго; посмотришь на то мѣсто, гдѣ стоялъ нечестивый—и ужъ нѣтъ его. Нечестивый замышляетъ злое на праведника, но богъ смѣется надъ

его намѣреніями. Нечестивые обнажаютъ мечъ и натягиваютъ лукъ, чтобы поразить праведныхъ, притѣснить слабыхъ и бѣдныхъ, но ихъ мечъ пронзитъ ихъ собственное сердце, ихъ лукъ сломается безъ выстрѣла. Ягве охраняетъ благочестивыхъ, отдастъ имъ въ наслѣдіе землю, сохранитъ ихъ владѣнія вовѣки; въ трудное время они не посрамятся и въ голодную пору будутъ сыты. А беззаконные погибнутъ, какъ пестрый коверъ луговъ, исчезнутъ, какъ дымъ. Я былъ молодъ и состарѣлся, увѣряетъ, наконецъ, авторъ псалма, и не видалъ праведнаго оставленнымъ, а его потомство просящимъ хлѣба. Я видѣлъ одного нечестивца, упрямого и гордаго, какъ кедръ ливанскій,—я прошелъ мимо, взглянулъ—и его уже нѣтъ, исчезъ, и не найти его. И все сѣмя нечестивцевъ будетъ истреблено навѣки; слушайся только Ягве и держись его путей—и ты самъ увидишь истребленіе нечестивыхъ».—Исполненный фанатизма и зависти, этотъ псаломъ прекрасно дополняется пс. 128, гдѣ рисуется совершенно мѣщанскій идеалъ счастья благочестивыхъ. «Благо всякому, кто боится Ягве и идетъ по его путямъ: ты будешь наслаждаться плодомъ трудовъ твоихъ рукъ, тебѣ будетъ хорошо, работа твоя будетъ успѣшна. Жена твоя—какъ плодоносная виноградная лоза въ твоемъ домѣ; твои сыновья—какъ молодыя маслины вокругъ стола твоего. Поистинѣ благословенъ человѣкъ, боящійся Ягве. Пусть благословитъ тебя Ягве съ Сіона и пасетъ тебя всѣ дни твоей жизни въ счастливомъ Іерусалимѣ; пусть ты увидишь своихъ внуковъ!». Псаломъ формулируетъ въ образныхъ выраженіяхъ тотъ же самый идеалъ многочадія и богатства, который проскальзываетъ въ пс. 37 и въ цѣломъ рядѣ другихъ псалмовъ.

Но уже 37 пс. даетъ понять, что по части осуществленія этого идеала не все обстоитъ благополучно. Нечестивые, reschaïm, не только счастливы, въ смыслѣ, конечно, того же идеала, но и приступаютъ уже къ агрессивнымъ дѣйствіямъ противъ «бѣдныхъ и несчастныхъ», за которыми скрываются тѣ же hasidhim. Послѣдніе еще полны счастливой увѣренности въ побѣдоносномъ для нихъ исходѣ борьбы: Ягве съ ними, дунетъ—и не станетъ нечестивца. Въ этомъ же смыслѣ говоритъ и пс. 10. «Безбожникъ думаетъ въ высокомѣріи своемъ: богъ не посѣтитъ, нѣтъ бога» и онъ «дуетъ на всѣхъ своихъ противниковъ, говоритъ въ

своемъ сердцѣ: я не поколеблюсь, изъ поколѣнія въ поколѣніе буду свободенъ отъ несчастья». И вотъ онъ разставляетъ сѣти, подстерегаетъ и ловитъ въ нихъ несчастную жертву, говоря: «богъ забылъ, спряталъ лицо свое, никогда ничего не увидитъ». Но Ягве по призыву вѣрныхъ накажетъ его: горе сироты и несчастнаго останется въ его рукахъ, а онъ самъ сдѣлается невольнымъ помощникомъ своихъ жертвъ. Однако, слѣдующая группа псалмовъ показываетъ, что эти разсчеты оказались ошибочными. Перевѣсъ оказался на сторонѣ беззаконія, и hasidhim впали въ полное уныніе, плачутъ и все недоумѣваютъ, куда же дѣлся Ягве и всѣ его обѣтованія. Переходомъ къ этой группѣ псалмовъ отъ предыдущей являются псалмы 49 и 73, однородные по содержанію. Для нихъ счастье беззаконниковъ и горести праведныхъ уже больно ощутимый фактъ, и онъ встаетъ передъ ними, какъ жестокая проблема. Авторъ пс. 37 разрѣшилъ эту проблему такъ быстро и такъ просто, что для него, повидимому, тутъ даже и не было никакой проблемы. Но, какъ часто бываетъ, онъ, подобно самоувѣренному полководцу передъ боемъ, ошибся въ разсчетѣ: врагъ оказался не такъ слабъ, и близкая побѣда оказалась призрачной. Авторы пс. 49 и 73 уже не относятся такъ свысока къ этой проблемѣ, хотя рѣшаютъ ее приблизительно такъ же, какъ и авторъ пс. 37. Для автора пс. 49 вопросъ о томъ, почему онъ окруженъ коварными врагами, которые полагаются на свое могущество и хвастаются своимъ богатствомъ, есть уже загадка, которую онъ хочетъ разрѣшить при помощи своей лиры. Да, есть богатые насильники, но ихъ счастье не вѣчно, никто на землѣ не уйдетъ отъ смерти, не можетъ откупиться отъ нея никакою цѣною. А при такомъ исходѣ что значитъ богатство? Мертвецъ не возьметъ его съ собою въ подземное царство, гдѣ мертвецовъ, какъ стадо овецъ, пасетъ смерть. Но благочестивые возобладаютъ надъ смертью: душу поэта богъ избавитъ отъ власти ада; богатые же безумцы, какъ звѣри, умирая, не имѣютъ надежды на избавленіе: они уйдутъ къ роду своихъ отцовъ, которые никогда не увидятъ свѣта. Въ довольно неопредѣленной формѣ здѣсь проскальзываетъ идея о воздаяніи за гробомъ, идея, которая дала пышный расцвѣтъ и была впервые ясно сформулирована

въ эпоху гоненій Антіоха Епифана. Но центръ тяжести псалма лежитъ все-таки не въ этой идеѣ, а въ утвержденіи сознанія, что счастье и богатство беззаконника ограничено временемъ земной жизни и преходяще, что богатство можетъ дать много, но не можетъ дать самаго главнаго: оно не можетъ выкупить человѣка изъ власти смерти. Авторъ пс. 73 не такъ глубокъ. Онъ описываетъ счастье нечестивцевъ, ихъ надменность и въ то же время ихъ притягательную силу для народа въ такихъ чертахъ: «они не знаютъ страданій, здорово и тучно ихъ тѣло; поэтому гордость украшаетъ ихъ шею, ихъ окутываетъ, какъ одежда, насиліе. Ихъ грѣхи исходятъ отъ жира ихъ сердца, они насмѣхаются и говорятъ злобно... они направляютъ рѣчь своихъ устъ противъ неба, ихъ языкъ идетъ по землѣ. Оттого народъ поворачивается къ нимъ; они говорятъ: гдѣ же всевѣдѣніе бога, развѣ знаетъ онъ? Вотъ каковы беззаконники, и вѣчно безъ помѣхъ увеличиваютъ они свое имущество». Изобразивъ эту соблазнительную картину, авторъ псалма говоритъ, что на минуту усумнился въ пользѣ праведности: «напрасно я соблюдалъ чистоту своего сердца и омывалъ невинностью мои руки». Но сейчасъ же онъ уразумѣлъ, что такое его поведеніе позорно: «я былъ передъ Ягве, какъ скотъ неразумный», и что, несомнѣнно, такое счастье беззаконниковъ мимолетно: «Ягве превратитъ въ одинъ моментъ ихъ счастье въ пустыню». А для себя самого поэтъ ничего на землѣ не желаетъ, такъ какъ имѣетъ на небѣ Ягве: его богатство—близость къ богу, его прибѣжище—Ягве.

За этими псалмами естественно слѣдуетъ весьма многочисленная группа псалмовъ, гдѣ проблема уже не ставится, ибо она все равно неразрѣшима. Идетъ самая ожесточенная борьба; праведники совсѣмъ стѣснены, имъ нечѣмъ жить и дышать, и они только жалуются и молятся. Изъ всѣхъ псалмовъ этой группы (сюда относятся: 3, 4, 5, 6, 7, 11, 12, 13, 17, 22, 25, 26, 27, 28, 31, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 64, 69, 70, 91, 94, 109, 140, 141, 142, 143) мы выдѣлимъ для характеристики небольшую группу псалмовъ: 11, 12, 22, 35, 36, 69 и 109. Праведники стѣснены: помоги Ягве, а то скоро не останется ни одного праведника (пс. 12). Ягве совсѣмъ оставилъ своихъ слугъ, славящихъ его въ собраніи

вѣрныхъ; праведники уже не люди, а черви, поношеніе людей, которые киваютъ головами, улыбаются и говорятъ: пусть Ягве спасетъ тебя! За что Ягве оставилъ праведниковъ, непонятно: отъ утробы матери Ягве ихъ богъ, вѣру въ него они всасывали съ материнскимъ молокомъ. Боже мой, боже мой, почему ты меня оставилъ? Не будь далеко отъ меня, а то я таю, какъ воскъ, всѣ мои члены ослабѣли. Помоги мнѣ, избавь изъ когтей льва: я буду славить тебя въ собраніи вѣрныхъ и возвѣщу имя твое братьямъ (пс. 22). Счастливый нечестивецъ описывается въ такихъ краскахъ: его чрево наполнено благами Ягве, онъ имѣетъ многочисленныхъ сыновей и оставляетъ имъ имущество свое (пс. 17); его грѣховныя рѣчи исходятъ изъ внутренности сердца, онъ не боится бога; его слова преступны и лживы, онъ задумываетъ преступленія въ своемъ жилищѣ и не ходитъ по доброму пути. И ты, Ягве, богъ справедливости и суда, помогающій и людямъ, и животнымъ, ты даешь имъ питаться отъ жира твоего дома, поишь ихъ изъ ручья твоей радости; отдай лучше твою милость тѣмъ, кто тебя знаетъ, воздай справедливость праведнымъ сердцемъ (пс. 36). Картинно описывается наступленіе нечестиваго въ пс. 11: «вотъ нечестивые натягиваютъ лукъ, положили стрѣлу свою на тетиву, чтобы во мракѣ выстрѣлить въ праведныхъ сердцемъ». Эти нападенія увѣнчиваются успѣхомъ. Авторъ псалма 35, описавъ, какъ притѣсняютъ его и измываются надъ нимъ reschaïm, говоритъ: ты, Ягве, видѣлъ это, такъ не молчи, не будь далеко отъ меня, воздай мнѣ справедливость, не дай имъ сказать: все исполнилось по нашему желанію, мы его поглотили! Враги автора пс. 69 безчисленны, какъ волосы на головѣ; онъ проситъ бога помочь ему, ибо ради него онъ несетъ стыдъ и позоръ. Пусть придутъ на нихъ всѣ проклятья! Пусть ихъ столъ превратится въ сѣть, пусть ихъ глаза затмятся, ихъ бедра дрожатъ, пусть ихъ загоны будутъ опустошены, пусть ихъ палатки запустѣютъ, пусть они будутъ вычеркнуты изъ книги жизни, не будутъ записаны вмѣстѣ съ праведными. А я буду славить бога въ пѣснѣ—пѣснь для Ягве пріятнѣе быковъ; благочестивые будутъ радоваться, и оживетъ ихъ сердце. Еще болѣе выразительны проклятія пс. 109: «пусть нечестивый уйдетъ изъ суда осужденнымъ, пусть его молитва

вмѣнится ему въ грѣхи; пусть его дни будутъ коротки, пусть его имущество возьметъ себѣ другой, пусть его дѣти будутъ сиротами, его жена—вдовою; пусть его дѣти ходятъ, прося подаянія; пусть ростовщикъ высосетъ все его достояніе, пусть чужіе разграбятъ его пріобрѣтенія. Пусть никто не окажетъ ему милости, никто не сжалится надъ его сиротами; пусть его потомство будетъ истреблено, его имя исчезнетъ во второмъ поколѣніи; пусть Ягве не забываетъ грѣховъ его отцовъ и матерей, пусть всегда ихъ грѣхи будутъ предъ глазами Ягве!» «Онъ любилъ проклятія—пусть его поразитъ проклятіе; онъ презиралъ благословеніе—пусть оно будетъ отъ него далеко; онъ надѣвалъ проклятіе, точно рубашку,—пусть проклятіе проникнетъ, какъ вода, въ его тѣло, какъ масло, въ его члены!» Приведенныя цитаты указываютъ нѣкоторыя подробности происходящей дифференціаціи. Счастливые беззаконники богаты, въ ихъ рукахъ власть, они даже кормятся отъ храма, т. е. принадлежатъ къ жречеству. Этимъ послѣднимъ наблюденіемъ дается дата для разобранной группы псалмовъ. Жрецы іерусалимскаго храма выступаютъ открыто, какъ «сыны беззаконія», нарушающіе законъ и склонные къ эллинизму, незадолго до Маккавейскаго возстанія; ихъ услугами и авторитетомъ пользовался Антіохъ Епифанъ при проведеніи религіозной реформы. Слѣдовательно, эту группу псалмовъ можно датировать приблизительно такъ: 200—170 г. до Р. Х. Соотвѣтственно съ этимъ предшествующая группа псалмовъ должна быть отнесена къ III вѣку, т. е. она немного моложе, а можетъ быть и современна книгамъ Іова и Притчъ, которыя появились не ранѣе тридцатыхъ годовъ IV вѣка или, весьма вѣроятно, немного позднѣе [5]).

Какъ мы указывали, расколъ кончился весьма трагически. Reschahim открыто пошли навстрѣчу эллинистическому капитализму, приносившему съ собою и эллинистическую культуру. Со времени завоеванія Востока и Іудеи Александромъ условія для осуществленія праведности и благочестія, основанныхъ на крайнемъ обособленіи, стали чрезвычайно неблагопріятны. Эллинизмъ проникалъ во всѣ щели и поры. Іудею окружило кольцо эллинизованныхъ странъ, перешедшихъ на

греческій языкъ, къ греческимъ культамъ и обычаямъ *). Капиталъ, какъ вездѣ и всюду, дѣлалъ свое нивеллирующее дѣло, сглаживалъ національныя перегородки и предразсудки; все, что держалось цѣпко за старину и хотѣло жить старыми традиціями, внѣ міровой жизни, что хотѣло сохранить свою обособленность передъ лицомъ всеобщаго уравненія и сближенія,— все это было обречено на жалкое существованіе и на гибель. Такое общественное тѣло было уже заживо погребеннымъ, и лишь временно какая-нибудь могучая, неожиданная сила могла гальванизировать этотъ живой трупъ. Іудейская община была въ такомъ положеніи. «Скоро не останется ни одного праведнаго»—восклицаетъ одинъ изъ цитированныхъ нами псалмовъ; и дѣйствительно, зараза къ половинѣ II вѣка проникла, можно сказать, въ святое святыхъ храма. Жречество, какъ оффиціальный представитель общины, волей-неволей должно было вступить въ сношенія съ иноземными и иновѣрными властителями Іудеи. Эти дипломатическія сношенія сдѣлали изъ членовъ клира хитрыхъ политиковъ, не брезгавшихъ ни подкупами, ни интригами для удовлетворенія своего честолюбія. Когда на сирійскій престолъ вступилъ Антіохъ Епифанъ, то среди іерусалимскаго клира онъ нашелъ прочную опору для исполненія своего проекта эллинизаціи Іудеи. Пользуясь содѣйствіемъ первосвященника Іасона (греч. имя; евр. имя было Іегошуа), Антіохъ устроилъ въ Іерусалимѣ гимназію и цирковыя представленія; затѣмъ, воспользовавшись партійными раздорами асидеевъ и решаимъ, дошедшими до уличной бойни, Антіохъ явился въ Іерусалимъ, занялъ его, разграбилъ храмъ, прекратилъ тамъ служеніе Ягве и воздвигъ взамѣнъ жертвенникъ Зевсу Олимпійскому. Іудеевъ силою заставляли приносить жертвы Зевсу; непокорныхъ пытали и казнили. Эти религіозныя гоненія и были тѣмъ токомъ, который гальванизировалъ асидейство и вновь разбудилъ чувство національной и религіозной нетерпимости, начавшее было уже замирать въ іудейской общинѣ. Противъ Антіоха началось возстаніе, подъ предводительствомъ братьевъ Маккавеевъ. Оно пошло очень успѣшно; скоро сирійцы

*) Напр., въ Газѣ былъ храмъ Аполлону, въ Тирѣ былъ жертвенникъ Геркулесу и совершались въ честь его игры; на монетахъ изображались греческіе боги.

были изгнаны изъ Іерусалима, храмъ очищенъ отъ «мерзости», и тамъ былъ возстановленъ культъ Ягве (171—165).

Цѣлый рядъ псалмовъ, несомнѣнно, происходитъ изъ этой эпохи. Еще Ѳедоръ Мопсуетскій въ IV вѣкѣ замѣтилъ, что содержаніе нѣкоторыхъ псалмовъ совпадаетъ съ тѣми событіями, которыя имѣли мѣсто въ Іудеѣ въ указанный промежутокъ времени. Такихъ псалмовъ онъ выдѣлилъ 17 (44, 47, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 69, 74, 79, 80, 83, 108, 109, 144); по его мнѣнію, авторомъ этихъ псалмовъ былъ, конечно, Давидъ, такъ что псалмы эти надо разсматривать, какъ пророческое изображеніе Маккавейской эпохи, выраженное въ лирической формѣ. Новѣйшіе изслѣдователи признаютъ опредѣленіе Ѳедора весьма остроумнымъ, но не вполнѣ съ нимъ соглашаются. Нѣсколько псалмовъ, указываемыхъ Ѳедоромъ, носятъ тотъ же характеръ, что и только что разобранная группа псалмовъ: они говорятъ объ ожесточенной борьбѣ асидеевъ и решаимъ, и только отдѣльныя выраженія даютъ возможность толковать решаимъ не только въ смыслѣ эллинистовъ-іудеевъ, но и въ смыслѣ сирійцевъ. Поэтому эти псалмы очень спорны; на этомъ же основаніи нельзя согласиться и съ Чейни, который относитъ къ маккавейской эпохѣ довольно многочисленную группу псалмовъ. Но зато другіе псалмы, безспорно, относятся къ маккавейской эпохѣ. Одни изъ нихъ обнаруживаютъ буквальное почти сходство выраженій съ мѣстами изъ I Маккавейской книги; другіе совершенно опредѣленно говорятъ объ иноземныхъ врагахъ, подвергающихъ іудеевъ религіознымъ гоненіямъ, и описываютъ отдѣльные моменты этихъ гоненій, соотвѣтствующіе историческимъ фактамъ, сообщаемымъ I Макк. Только эти псалмы и можно считать маккавейскими. Это слѣдующіе: 44, 59, 66, 74, 79, 83 и 118; пс. 89 и 80, быть можетъ, также изъ этой эпохи. Почти всѣ эти псалмы, за исключеніемъ развѣ только пс. 66, принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ книги псалмовъ и заслуживаютъ полнаго вниманія.

Авторъ 44 пс. горько жалуется: «ты отдалъ насъ, какъ овецъ на съѣденіе и среди язычниковъ разсѣялъ насъ; ты продалъ народъ свой за безцѣнокъ и не обогатился покупною цѣною его, ты сдѣлалъ насъ предметомъ поношенія среди сосѣдей нашихъ, предметомъ посмѣянія и насмѣшки въ окрест-

ностяхъ нашихъ... Все это пришло на насъ, хотя и не забыли мы тебя и не нарушили завѣтъ твой... ибо за тебя убиваютъ насъ каждый день, смотрятъ на насъ, какъ на овецъ для закланія». Авторъ псалма 74-го зоветъ Ягве: «подними стопы свои къ вѣчнымъ развалинамъ—все опустошилъ врагъ во святилищѣ; рычатъ враги твои среди мѣстъ праздничныхъ собраній твоихъ, поставили знаменіями знаменія свои. Они предали огню храмъ твой, до земли осквернили жилище имени твоего. Знаменій нашихъ не видимъ, и нѣтъ пророка, и не знаемъ, доколѣ»... Здѣсь цѣлый рядъ соприкосновеній съ I Макк.: знаменія язычниковъ—это βδέλυγμα ἐρημώσεως (I Макк. I, 54), т. е. мерзость запустѣнія, алтарь Зевсу Олимпійскому; объ отсутствіи пророка, котораго жаждали въ это время іудеи, говоритъ также I Макк. Пс. 79 содержитъ цѣлый рядъ параллельныхъ мѣстъ съ 44 и 74: начинается онъ такъ: «боже, пришли язычника въ наслѣдіе твое, осквернили храмъ твой святой, обратили Іерусалимъ въ груду развалинъ; отдали тѣла рабовъ твоихъ на съѣденіе птицамъ небеснымъ, плоть праведниковъ твоихъ—звѣрямъ земнымъ; они пролили ихъ кровь, какъ воду вокругъ Іерусалима, и некому похоронить ихъ» (ср. I Макк. VII, 17—18: κατὰ τὸν λόγον ὃν ἔγραψε· σάρκας ὁσίων σου καὶ αἵματα αὐτῶν ἐξέχεαν κύκλῳ Ἰερουσαλὴμ, καὶ οὐκ ἦν αὐτοῖς ὁ θάπτων) *). Авторъ псалма 59 находится въ городѣ, осажденномъ врагами. Враги эти—язычники; каждый вечеръ возвращаются они, воютъ, какъ собаки, и окружаютъ городъ. Но не отвратился отъ бога и не согрѣшилъ передъ нимъ осажденный городъ. Псаломъ 83 призываетъ бога на помощь противъ коалиціи народовъ, которые пошли на Израиля, говоря: «пойдемъ и уничтожимъ ихъ изъ числа народовъ, и не останется болѣе памяти объ Израилѣ. Ибо они согласились между собою въ сердцѣ своемъ, противъ тебя союзъ заключили они: шатры Едома и измаильтяне, Моавъ и агаряне, Гевалъ, и Аммонъ, и Амалекъ, филистимляне съ жителями Тира». Эта коалиція засвидѣтельствована въ I Макк. V, 1—2. Именно, когда Іерусалимъ попалъ въ критическое положеніе, противъ него поднялись всѣ враждебные іудеямъ народы. Старинная терминологія псалма есть не что иное, какъ

*) «По слову, какъ написано: тѣла праведниковъ твоихъ и кровь ихъ пролили вокругъ Іерусалима, и не было для нихъ погребальщика.»

поэтическій пріемъ, такъ какъ авторъ псалма обнаруживаетъ прекрасное знаніе доплѣнной литературы, и его языкъ пестритъ арамаизмами, такъ что, слѣдовательно, онъ не могъ писать о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто до плѣна; кромѣ того, до плѣна о такой коалиціи нѣтъ упоминанія. Между тѣмъ въ I Макк. почти такая же терминологія; тамъ упомянуты: сыны Исава = Едомъ сыны Веана (арабское племя) = измаильтяне и агаряне; сыны Аммона = Аммонъ; язычники галаадскіе = Моавъ; наконецъ, Тиръ. Авторъ псалма прибавляетъ отъ себя еще филистимлянъ, Ассура, амалекитянъ и другіе народы, для усиленія впечатлѣнія на читателя. Псаломъ 118—хвалебная и благодарственная пѣснь Ягве по случаю побѣды надъ врагомъ. «Строгою карою наказалъ меня Jah (сокращ. Jahwe); но смерти не предалъ меня... Всѣ язычники окружили меня... изъ стѣсненія воззвалъ я къ Ягве, именемъ Ягве рубилъ я враговъ...» И вотъ теперь, «кликъ ликованія и побѣды въ шатрахъ праведныхъ». Пѣвцы идутъ въ храмъ: «отворите мнѣ врата праведности, я иду и возблагодарю Jah.» Псаломъ кончается призывомъ къ торжественному праздничному жертвоприношенію и возгласомъ: «возблагодарите Ягве, ибо онъ благъ, ибо вовѣки милость его!» Въ продолженіе всей эпохи послѣ плѣна и до Маккавеевъ не было ни одной борьбы, ни одной побѣды іудеевъ надъ внѣшнимъ врагомъ, такъ что попытки относить псаломъ къ эпохѣ Езры надо считать неудачными. Въ I Макк. (IV, 54—56), между тѣмъ, разсказывается о торжественномъ очищеніи и освященіи храма Іудой Маккавеемъ послѣ побѣды надъ сирійцами и сосѣдями (въ 165) въ такихъ выраженіяхъ: «храмъ очистили и освятили при пѣніи гимновъ, при звукахъ киѳаръ и кимваловъ, принесли жертву за спасеніе и во славу бога, и, обратившись къ небу, пѣли гимнъ и славили господа (τὸν κύριον = Jahwe), ибо онъ благъ, ибо вовѣки милость его.» На ту же тему, но нѣсколько въ иномъ духѣ написанъ псаломъ 30. Онъ обозначенъ, какъ псаломъ, предназначенный для исполненія на праздникѣ освященія храма; это обозначеніе, какъ и другія, было прибавлено, вѣроятно, послѣ появленія псалма, но по содержанію псаломъ вполнѣ соотвѣтствуетъ этому обозначенію, если имѣть въ виду праздникъ, установленный Іудой Маккавеемъ. Псаломъ начинается хвалой Ягве за то, что

Ягве вывелъ душу поэта изъ подземнаго царства и спасъ его. Гнѣвъ Ягве постигъ Израиля; но гнѣвъ его длится только мгновеніе, а милость—цѣлую жизнь: если вечеромъ слезы, то уже утромъ ликованіе. Когда Ягве, разгнѣванный, скрылъ свое лицо, поэтъ взмолился о милости: что пріобрѣтешь ты отъ моей крови, если я сойду въ могилу? Развѣ будетъ тебя славить прахъ, развѣ возвѣститъ онъ твою вѣрность?... И Ягве превратилъ плачъ въ танецъ, опоясалъ поэта радостью. Псаломъ не можетъ относиться къ моменту прекращенія плѣна, такъ какъ поэтъ призываетъ хвалить бога hasidhim; далѣе, ст. 10 ясно говоритъ о кровавыхъ гоненіяхъ, которыя грозили совершенно уничтожить почитаніе Ягве. Ситуація псалма, такимъ образомъ, подходитъ только къ 165 г. Родственнымъ по содержанію и тону псалмамъ 118 и 30 является пс. 66. Это также хвалебная и благодарственная пѣснь Ягве, который покаралъ, но потомъ спасъ своихъ вѣрныхъ; пѣвецъ идетъ въ храмъ принести за это Ягве благодарственныя жертвы и обѣты.

Остаются спорные псалмы, 80 и 89. Псаломъ 80 чрезвычайно поэтиченъ; это одна изъ лучшихъ жемчужинъ всего сборника. Поэтъ призываетъ пастыря Израиля, возсѣдающаго на керубахъ, явиться и помочь Израилю: «боже, возстанови насъ, просвѣти лицо твое и помоги намъ! Ягве, богъ воинствъ, какъ долго ты будешь гнѣваться на свой народъ? Ты накормилъ его хлѣбомъ изъ слезъ, напоилъ слезами, ты сдѣлалъ насъ яблокомъ раздора между нашими сосѣдями, наши враги смѣются надъ нами... Изъ Египта ты вывелъ виноградную лозу, прогналъ язычниковъ и посадилъ ее. Ты оберегалъ ее, и она пустила корни свои и наполнила землю; горы покрылись ея тѣнью, кедры божіи—ея вѣтвями. Она простерла свои лозины до моря, свои отпрыски до рѣки. Зачѣмъ разрушилъ ты стѣны ея, и обрываютъ ее всѣ, проходящіе по дорогѣ? Вепрь изъ лѣса обгрызаетъ ее, все, что водится въ полѣ, поѣдаетъ ее. Боже воинствъ, вернись же, взгляни съ небесной высоты и вспомни эту виноградную лозу»!.. Въ заключеніе авторъ говоритъ: «мы не будемъ уклоняться отъ тебя; сохрани нашу жизнь, и мы призовемъ твое имя». Пс. 89 цитируетъ пс. 80; аллегорію онъ устраняетъ, но вводитъ нѣчто ей аналогичное: вспо-

минаетъ всѣ обѣтованія Ягве Давиду и противопоставляетъ имъ печальную дѣйствительность, когда всѣ разоряютъ Израиля и насмѣхаются надъ нимъ. Эти псалмы не даютъ неопровержимыхъ доказательствъ своей принадлежности къ Маккавейской эпохѣ, но весьма подходятъ къ ней по своему духу и настроенію, такъ что очень многіе комментаторы датируютъ ихъ этою эпохой.

Остаются еще двѣ крупныхъ группы псалмовъ и нѣсколько отдѣльныхъ. Эти псалмы трудно пріурочивать къ какому-нибудь опредѣленному моменту эпохи послѣ плѣна. Первая изъ этихъ группъ, пѣсни пилигримовъ, вошла въ книгу псалмовъ въ видѣ цѣльнаго сборника (120—134); по содержанію къ этой группѣ подходитъ еще только пс. 84, радостная пѣснь пилигрима при входѣ въ храмъ. Въ настоящее время очень трудно сказать, когда составилось собраніе 120—134 пс. Оно составлялось постепенно, изъ псалмовъ, существовавшихъ ранѣе, но подходившихъ по своему настроенію къ путешествію пилигримовъ. Псалмы эти разнаго содержанія: одинъ изъ нихъ мы уже цитировали въ группѣ псалмовъ, изображающихъ противоположность между hasidhim и reschahim. Типичнымъ представителемъ группы является псаломъ 122. «Я возрадовался, когда мнѣ сказали: мы идемъ къ дому Ягве! Наши ноги стоятъ у твоихъ воротъ, о Іерусалимъ, вновь отстроенный Іерусалимъ, куда стекаются племена Ягве, чтобы славить его имя. Молитесь о мирѣ для Іерусалима; пусть покой будетъ удѣломъ тѣхъ, кто любитъ тебя, Іерусалимъ, пусть миръ царствуетъ надъ твоими стѣнами и башнями.» Нѣкоторые псалмы этой группы являются простыми молитвами (123, 130) другіе восхваляютъ Ягве, его милость къ Израилю и вспоминаютъ его обѣтованія (напр. пс. 132). Заканчивающій всю группу псаломъ 134 является какъ бы заключительной пѣснеи для всего путешествія пилигримовъ. Войдя въ храмъ, они обращаются къ левитамъ и священникамъ: «хвалите Ягве, всѣ слуги Ягве, стоящіе въ домѣ его ночью; поднимите руки къ его святилищу и хвалите его!» На это клиръ отвѣчаетъ: «да благословитъ тебя Ягве отъ Сіона, создатель неба и земли».

Слѣдующая группа псалмовъ состоитъ изъ такихъ псалмовъ, которые спеціально были составлены для церковнаго употребленія при богослуженіи, въ отличіе отъ всѣхъ осталь-

ныхъ псалмовъ, которые также употреблялись при церковномъ богослуженіи, но были приспособлены для этой цѣли много позже своего появленія. Яснѣе всего изъ этой группы псалмовъ выдѣляются двѣ группы. Это, во первыхъ, заключительная группа 146—150 пс., представляющихъ изъ себя чисто церковные хвалебные гимны, начинающіеся и оканчивающіеся возгласомъ hallelujah, т. е. славьте Jah (= Jahwe). Во вторыхъ, группа псалмовъ 113, 114, 115, 117, которые вмѣстѣ съ пс. 116 и 118 составляютъ до сихъ поръ въ еврейскомъ богослуженіи такъ называемую группу hallel; она поется на праздникахъ новолунія, освященія храма, пасхи, пятидесятницы и кущей; 113 и 114 поются на пасхѣ передъ обѣдомъ, 115—118—послѣ обѣда. Два изъ псалмовъ, входящихъ въ составъ богослужебной группы Hallel, 116 и 118, отнесены нами къ другой группѣ; содержаніе ихъ разнится отъ остальныхъ, и они были присоединены къ этой группѣ, вѣроятно, позднѣе. Красивъ псаломъ 114 этой группы, пасхальный псаломъ: «когда Израиль выходилъ изъ Египта, домъ Іакова уходилъ изъ косноязычнаго народа, тогда Іуда былъ его святилищемъ, Израиль—его властью. Море увидало его и побѣжало, Іорданъ потекъ назадъ, горы прыгали, какъ козлы, холмы—какъ ягнята. Что съ тобой, море, что ты бѣжишь, что съ тобой, Іорданъ, что ты течешь назадъ? Что вы, горы, прыгаете, какъ козлы, вы, холмы, какъ ягнята? Дрожи, земля, передъ господомъ, передъ богомъ Іакова, который превращаетъ скалу во вмѣстилище водъ, голый камень—въ источники водъ». Очевидно литургическое происхожденіе псалмовъ 135 и 136. Эти псалмы исключительно хвалебные. Пс. 135 содержитъ большую буквальную цитату изъ пс. 115 (115, 4—11 = 135, 15—20); онъ заканчивается призывомъ хвалить Ягве, гдѣ всѣ приглашаемые перечисляются въ іерархическомъ порядкѣ: домъ Израиля, домъ Аарона, домъ Левія, почитатели Ягве, т. е. прозелиты. Пс. 136 построенъ такимъ образомъ: каждый стихъ состоитъ изъ двухъ половинъ: въ первой половинѣ каждаго стиха приглашаются благодарить Ягве и перечисляются его благодѣянія, а вторая служитъ припѣвомъ («ибо его милость не прекратится вѣчно»). Первая половина пѣлась священниками, припѣвъ пѣлъ народъ (ср. II Хрон., VII, 3,6). Пс. 67—

благодарственная молитва за ниспосланіе жатвы; онъ есть не что иное, какъ варіантъ жреческой формулы того-же содержанія, приводимой въ кн. Числъ, VI, 24 и слѣд. (Priestercodex).

Остальные 18 псалмовъ не могутъ быть отнесены ни къ одной изъ разобранныхъ выше группъ. Изъ этихъ псалмовъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе пять: 65, 68, 104, 107, 110. Псаломъ 65 написанъ по такому поводу: Ягве посѣтилъ землю неурожаемъ, по вслѣдъ за неурожаемъ послѣдовала богатая жатва; Ягве напоилъ землю потоками дождей, приготовилъ хлѣбъ и увѣнчалъ годъ своею милостью; луга степей блестятъ влагой, холмы опоясываются радостью; пастбища покрыты стадами, долины полны зерна. Все наперерывъ ликуетъ и поетъ, а благочестивые исполняютъ передъ Ягве въ его святомъ храмѣ свои обѣты за услышанныя молитвы. Псаломъ имѣетъ точки соприкосновенія со Второисаіей, такъ какъ называетъ бога прибѣжищемъ всякой плоти, всѣхъ концовъ земли и отдаленныхъ мѣстъ моря; такимъ образомъ, псаломъ принадлежитъ, несомнѣнно, къ послѣплѣнной эпохѣ. 61 псаломъ изображаетъ побѣдоносное шествіе Ягве, отъ лица котораго убѣгаютъ всѣ ненавидящіе его, исчезаютъ, какъ дымъ, таютъ, какъ воскъ отъ огня, въ то время какъ праведные радуются и ликуютъ о богѣ. Побѣдоносное шествіе Ягве, передъ которымъ трепещутъ всѣ цари и народы, изображается чертами, заимствованными изъ различныхъ произведеній древней еврейской литературы, причемъ пѣвецъ выбралъ наиболѣе красивыя и наиболѣе сильныя мѣста. Псаломъ цитируетъ нѣсколько разъ пѣснь Деворы, имѣетъ точки соприкосновенія съ благословеніемъ и пѣснею Моисея (Второз. 32, 36) и съ Второисаіей.

Очень красивъ псаломъ 107. Этотъ псаломъ прославляетъ Ягве, какъ спасителя изъ всякой нужды. Онъ раздѣляется на пять строфъ, между которыми помѣщены четыре антистрофы почти одинаковаго содержанія. Первая строфа вспоминаетъ бѣдствія Израиля, когда онъ блуждалъ въ пустынѣ по непроходимымъ дорогамъ, терпя голодъ и жажду. Вторая строфа описываетъ бѣдствія плѣнныхъ, третья строфа — бѣдствія больныхъ, четвертая строфа — бѣдствія мореплавателей; каждая антистрофа начинается призывомъ о помощи и описываетъ спасеніе, ниспосланное Ягве. Пятая строфа является по-

учительнымъ заключеніемъ: «Ягве превратитъ рѣки въ пустыню, каналы въ пустыри, плодоносную землю въ солончакъ, если тѣ, кто тамъ живетъ, дѣлаютъ злое; но за благочестіе онъ превратитъ пустыню во вмѣстилище водъ, поселитъ тамъ голодныхъ, и они будутъ тамъ засѣвать поля, сажать виноградники, разводить скотъ и наслаждаться плодами своихъ трудовъ». Псаломъ содержитъ цѣлый рядъ точекъ соприкосновенія со Второисаіей и съ книгой Іова.

Общеизвѣстенъ псаломъ 104 (Благослови Ягве, моя душа), который описываетъ красоту творенія и величіе Ягве, раскрывающееся въ природѣ. Авторъ псалма въ своемъ изображеніи природы примыкаетъ къ разсказу о сотвореніи міра Быт. I; кромѣ того, онъ пользуется Второисаіей, Іовомъ и другими псалмами; свой псаломъ псалмистъ заключаетъ такимъ пожеланіемъ: пусть придетъ конецъ грѣшникамъ на землѣ и пусть не будетъ больше нечестивыхъ (reschahim). Весьма загадочнымъ казался комментаторамъ псаломъ 110. Содержаніе его слѣдующее: «такъ говоритъ Ягве моему господину: сядь по правую сторону отъ меня, и я положу враговъ твоихъ подъ твои ноги. Твой могущественный скипетръ Ягве простретъ съ Сіона; властвуй надъ врагами своими... Ягве клялся и не раскаивается въ этомъ: ты будешь священникомъ *) вѣчно, подобно Мельхиседеку». Далѣе говорится, что этотъ ожидаемый царь-священникъ уничтожитъ царей и будетъ судить народы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ псаломъ послѣплѣнный, такъ какъ въ немъ, рядомъ съ царскимъ достоинствомъ, выдвигается достоинство жреческое, которое пріобрѣло равноцѣнное царскому значенію достоинство лишь въ общинѣ второго храма; весь вопросъ заключается въ толкованіи псалма. Уже въ эпоху Христа псаломъ единодушно толковался всѣми въ мессіаническомъ смыслѣ. Такъ его понималъ Павелъ, евангеліе Матоея, Дѣянія и Апокалипсисъ. Но современные комментаторы пытались истояковать этотъ псаломъ въ примѣненіи къ одному изъ асмонейскихъ царей, которые въ одно и то же время были и царями, и первосвященниками, какими были, напримѣръ, Іонаоанъ и Симонъ; это толкованіе находило поддержку въ одномъ мѣстѣ I Макк. книги (XIV, 41): «іудеи рѣшили, чтобы Симонъ

*) Слово kohen, употребленное здѣсь, обозначаетъ первосвященника

былъ ихъ вождемъ и первосвященникомъ вовѣки». Это толкованіе остается, однако, спорнымъ.

Остальные псалмы *) не представляютъ изъ себя ничего особенно замѣчательнаго. Ихъ послѣплѣнное происхожденіе выясняется отчасти изъ ихъ содержанія,—такъ, они являются по большей части или компилятивными, или цитируютъ произведенія эпохи плѣна или послѣ плѣна;—отчасти изъ ихъ языка, въ которомъ обнаруживается примѣсь арамейскихъ формъ и специфическая терминологія, которую мы указывали выше.

Остается вопросъ, какъ и когда псалмы были собраны въ теперешнюю книгу псалмовъ и получили богослужебное и каноническое значеніе. Этотъ вопросъ очень неясный, и относительно него можно высказать лишь болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Несомнѣнно, псалмы были продуктами и индивидуальнаго творчества отдѣльныхъ поэтовъ, которые не предназначали ихъ по большей части для церковнаго употребленія; для такового были непосредственно составлены лишь очень немногіе псалмы. Церковное богослуженіе отбирало изъ массы существовавшихъ и пѣвшихся въ народѣ псалмовъ наиболѣе для него подходящіе. Такимъ путемъ создались сначала отдѣльныя собранія псалмовъ; ко времени Маккавейскаго возстанія такія собранія, имѣвшія священное значеніе, вѣроятно, уже существовали; навѣрное такія собранія существовали въ эпоху Іисуса (ср. Марк., 14, 26). Когда книга псалмовъ пріобрѣла современный видъ, можно опредѣлить на основаніи даты перевода LXX, который датируется 150—100 годами. Труднѣе сказать, когда было признано каноническое значеніе псалмовъ. Во всякомъ случаѣ, это имѣло мѣсто ранѣе завершенія ветхозавѣтнаго канона (II в. по Р. Х.), такъ какъ книга псалмовъ открываетъ собою третью часть канона, уже упоминаемую Іисусомъ Сирахомъ (132 г.).

---

*) 8, 33, примыкающіе къ 104 по своему содержанію; 72, мессіанническаго содержанія, цитир. Захарію; 76, изображающій судъ Ягве; 81, приспособленный для пѣнія при праздникѣ Кущей; 85—молитва о помощи и пришествіи Мессіи; 87—неопредѣленнаго характера; 88—молитва отчаянія, навѣянная Іовомъ; 90—изображающій вѣчность бога и бренность человѣка; 105 и 160—поучительные псалмы, вспоминающіе факты милости Ягве изъ исторіи Израиля; 119, уже упоминавшійся; 138—неопредѣленный

VII. Историческое значеніе псалмовъ. — Техническое строеніе псалмовъ.

Итакъ, передъ нами прошли одна за другою самыя разнообразныя группы псалмовъ. Наше богослуженіе превратило ихъ въ мертвыя формулы, монотонно читаемыя въ церкви въ плохомъ переводѣ, который обезличиваетъ и сглаживаетъ индивидуальныя особенности каждаго отдѣльнаго псалма; они все равно, что кости, которыя видѣлъ пророкъ Іезекіиль, бѣлыя, мертвыя, похожія одна на другую кости, разбросанныя въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Но подобно тому, какъ кости Іезекіиля одѣлись потомъ плотью и превратились въ живыхъ людей передъ изумленнымъ пророкомъ, точно такъ же историко-литературный анализъ псалмовъ превращаетъ ихъ изъ мертвыхъ формулъ богослуженія, тоскливыхъ, заунывныхъ, похожихъ одна на другую, въ индивидуальныя литературныя произведенія, дышащія непосредственными впечатлѣніями многовѣковой и многообразной исторической дѣйствительности.

Мы видимъ теперь, что книга псалмовъ есть собраніе чрезвычайно разнообразныхъ поэтическихъ произведеній, создававшихся на протяженіи болѣе пяти вѣковъ; авторами псалмовъ были не тѣ нѣсколько лицъ, имена которыхъ стоятъ теперь въ началѣ большей части псалмовъ, а невѣдомые намъ поэты, причемъ нѣкоторые изъ нихъ по силѣ поэтическаго таланта не уступаютъ лирикамъ другихъ народовъ.

Но имѣютъ ли для насъ, людей XX в., псалмы какое-нибудь другое значеніе, кромѣ чисто литературнаго? Другими словами, могутъ ли псалмы, какъ произведенія лирической поэзіи, претендовать на большее значеніе, чѣмъ, напримѣръ, другіе богослужебные гимны греческаго происхожденія, всѣ эти стихиры, ирмосы, тропари, кондаки и т. д.? Уже предшествующая глава довольно ясно показываетъ, что псалмы могутъ имѣть такое значеніе.

Прежде всего, исторіко-литературный анализъ псалмовъ даетъ намъ возможность сдѣлать нѣкоторыя наблюденія надъ развитіемъ еврейской литературы. Эти наблюденія даютъ слѣдующіе итоги. Еврейская лирика стояла на кульминаціонной точкѣ своего развитія въ доплѣнную эпоху. Псалмы доплѣн-

ной эпохи вмѣстѣ съ другими извѣстными намъ лирическими произведеніями той же эпохи (пѣснь Деворы, пѣснь Моисея, пѣснь Давида въ честь Саула и Іонаѳана) являются, безспорно, лучшими произведеніями еврейской лирической поэзіи. Они чрезвычайно богаты образами, въ нихъ бьетъ ключемъ молодая сильная жизнь, широкая и свѣтская, еще не замкнутая въ узкое кольцо церковнаго ритуала. Плѣнъ и въ особенности эпоха послѣ плѣна—это эпоха упадка лирической музы. Псалмы этой эпохи становятся монотонными и однообразными, рѣдко проскальзываетъ въ нихъ мѣткій образъ или смѣлое выраженіе. Это понятно само собою: народа больше нѣтъ, осталась религіозная секта съ маленькими задачами личнаго спасенія и мѣщанскаго благополучія. Вдохновляетъ поэтовъ уже не жизнь, а старая литература; псалмисты эпохи послѣ плѣна уже не придворные менестрели, а церковные пѣвцы, изучившіе пророковъ и законъ. Подъемъ замѣчается только въ послѣдній моментъ, въ эпоху Маккавеевъ, когда религіозныя гоненія вновь подняли національное чувство. Псалмы маккавейской эпохи рѣзко выдѣляются изъ всѣхъ остальныхъ неподдѣльностью чувства и яркостью образовъ. Но это была послѣдняя вспышка потухавшаго костра: національное царство скоро опять исчезло, и вмѣстѣ съ нимъ, на этотъ разъ окончательно, исчезла національная поэзія.

Эти итоги вполнѣ соотвѣтствуютъ тому, что мы знаемъ вообще объ исторіи еврейской литературы: золотая ея эпоха это эпоха до плѣна, когда появились наиболѣе поэтическія части пятикнижія, когда создалась народная эпопея о завоеваніи Ханаана, о любимыхъ національныхъ герояхъ, о Давидѣ, объ Иліи, когда дѣйствовали и писали первые великіе пророки. То, что появилось въ плѣну и послѣ плѣна, было переработкой стараго матеріала, искалѣченнаго жреческими тенденціями, или обширная, но малосодержательная, нравоучительная и памфлетическая литература, среди которой одинокими звѣздочками сіяютъ книга Іова и книга Руѳь.

Это первое. Во вторыхъ, историческое значеніе псалмовъ заключается въ томъ, что они являются прямо драгоцѣннымъ историческимъ источникомъ. Дѣло въ томъ, что вслѣдъ за введеніемъ закона при Ездрѣ и вплоть до Маккавейской эпохи

т. е. на протяженіи почти трехсотъ лѣтъ, мы имѣемъ въ исторіи общины второго храма совершенно темную полосу. Эта полоса начинается введеніемъ закона, торжественной клятвой соблюдать его и изгнаніемъ всѣхъ иноплеменниковъ изъ Іерусалима, а кончается кровавой борьбой соціально-религіозныхъ партій, успѣхами эллинизма въ самомъ сердцѣ Іерусалима и замѣной культа Ягве культомъ Зевса Олимпійскаго. Слѣдовательно, въ теченіе этой темной полосы въ соціальномъ и религіозномъ состояніи общины второго храма произошелъ глубокій переломъ: однородная масса вѣрныхъ распалась на двѣ враждующія группы: на экономически господствующихъ, «сыновъ беззаконія», и на экономически зависимыхъ, благочестивыхъ асидеевъ. Если бы у насъ не было псалмовъ изъ этой эпохи, то памятникомъ этого перелома была бы только книга Іова, на основаніи которой можно было бы строить лишь болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Но при помощи псалмовъ мы можемъ теперь установить болѣе или менѣе точно, хотя и въ общихъ чертахъ, процессъ этого перелома. Псалмы даютъ намъ возможность открыть корни фарисейской и саддукейской партій, которыя какъ будто сразу вырастаютъ изъ земли въ тридцатыхъ годахъ второго вѣка, и борьба которыхъ опредѣляетъ собою въ значительной мѣрѣ всю послѣдующую исторію общины второго храма. Слѣдуетъ замѣтить, что съ этой стороны значеніе псалмовъ недостаточно чувствовалось, и историки іудейства ими почти не пользовались *). Съ указанной стороны псалмы совершенно аналогичны нѣкоторымъ произведеніямъ греческой лирики, напримѣръ, произведеніямъ Солона и Симонида. Такимъ образомъ, для современнаго историка, занимающагося исторіей іудейства, знаніе псалмовъ становится необходимымъ условіемъ.

Пользованіе псалмами въ настоящее время сильно затрудняется ихъ текстомъ. Тотъ текстъ, который мы теперь имѣемъ, сильно испорченъ, настолько, что въ нѣкоторыхъ псалмахъ

*) Авторъ этихъ строкъ едва ли не первый сдѣлалъ попытку примѣнить матеріалъ псалмовъ для построенія исторіи общины второго храма. См. статью «Іудея при Маккавеяхъ и Асмонеяхъ» въ сборн. «Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая». Въ этой статьѣ псалмы въ качествѣ источниковъ использованы главнымъ образомъ въ первой главѣ и отчасти въ четвертой главѣ.

приходится оставлять безъ перевода цѣлые стихи и даже ихъ группы, такъ какъ оригиналъ совершенно непонятенъ. Съ другой стороны, сравненіе еврейскаго текста съ греческимъ переводомъ LXX показываетъ, что обработка текста позднѣйшими книжниками шла дальше, чѣмъ простыя прибавленія въ началѣ именъ предполагаемыхъ авторовъ, музыкальныхъ и литургическихъ указаній. Корректирующая рука соферовъ коснулась и самаго текста псалмовъ, въ особенности древнихъ, и постаралась сгладить нѣкоторыя шокировавшія ихъ выраженія. Наиболѣе ясно бросается въ глаза операція надъ началомъ пс. 50, гдѣ у LXX стоитъ «богъ боговъ Ягве», а въ еврейскомъ текстѣ: «божество, богъ Ягве». Поэтому, при пользованіи псалмами для историческихъ цѣлей необходимо тщательно взвѣшивать всѣ разночтенія LXX и еврейскаго текста; иногда одно слово совершенно мѣняетъ смыслъ и физіономію псалма. [6])

* * *

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о техническомъ построеніи псалмовъ. Ритмъ семитской стихотворной рѣчи существеннымъ образомъ отличается отъ ритма индо-европейской стихотворной рѣчи. Индо-европейская стихотворная рѣчь строится искусственно; правда, ея искусственный ритмъ въ основѣ своей восходитъ къ натуральному ритму, лежащему въ основѣ человѣческой природы, но концы его въ настоящее время очень трудно, даже почти невозможно разсмотрѣть. Ритмъ семитской, а слѣдовательно и еврейской стихотворной рѣчи очень близокъ къ естественному ритму человѣческой рѣчи. Этотъ естественный ритмъ человѣческой рѣчи состоитъ въ перемѣнномъ ея повышеніи и пониженіи, которое происходитъ вслѣдствіе пульсированія источниковъ нашей физической жизни, т. е. вслѣдствіе процесса кровообращенія и дыханія. Этотъ физическій ритмъ отражается на всѣхъ движеніяхъ человѣческаго организма; отъ него ведетъ свое начало ритмъ рѣчи и ритмъ тѣлодвиженій, напр. при танцахъ. Первоначальная поэзія основана именно на этомъ естественномъ ритмѣ: каждое произведеніе народной словесности состоитъ изъ чередованія парныхъ, а иногда тройныхъ стиховъ, причемъ каждый изъ этихъ стиховъ параллеленъ другому по длительности (т. е. по времени, необходимому для

произнесенія) и вмѣстѣ съ этимъ и по содержанію; новая мысль является вмѣстѣ съ новой чередой стиховъ. Изъ этой примитивной размѣренной рѣчи произошли вслѣдствіи всѣ разнообразныя формы стихотворной метрики, а изъ размѣреннаго произношенія такихъ произведеній, съ соотвѣтствующими вдыханію и выдыханію воздуха повышеніями и пониженіями голоса, произошло пѣніе. Семитское стихосложеніе очень недалеко ушло отъ описанной зачаточной формы. Въ западной поэзіи выдвинулся на первый планъ моментъ длительности, развитіе котораго привело къ созданію стиховъ съ точно установленнымъ количествомъ стопъ той или другой длительности; но вмѣстѣ съ этимъ въ западной поэзіи остался въ сторонѣ и вскорѣ совершенно исчезъ параллелизмъ стиховъ по содержанію. Въ древне-еврейской поэзіи точная метрика не выработалась, и стихи остались лишь приблизительно равными другъ другу по длительности; зато получилъ чрезвычайное развитіе параллелизмъ содержанія. Основною формою древне-еврейскаго стиха сталъ такъ называемый *дистихонъ*, т. е. стихъ, состоящій изъ двухъ параллельныхъ членовъ, причемъ мысль, выраженная въ первомъ членѣ, получаетъ то или иное подкрѣпленіе или освѣщеніе во второмъ членѣ. При этомъ первоначальное простое повтореніе одной и той же мысли въ синонимическихъ выраженіяхъ получило чрезвычайно многообразное развитіе. Различаются слѣдующія основныя формы параллелизма:

1) Синонимическій параллелизмъ, наиболѣе простой и наиболѣе чистый. Онъ состоитъ или въ простомъ повтореніи той же мысли, напр.:

Какъ я буду проклинать того, кого богъ не проклялъ?
Какъ я буду предавать проклятію, кого Ягве не предалъ проклятію? (Числ. 23,8).

Или во второмъ членѣ повторяется не идентичная, но вполнѣ параллельная мысль, напр.:

Солнце, стой спокойно у Гивеона
И луна въ долинѣ Айалонъ (Іисусъ Нав. 10, 12).

2) Параллелизмъ антитетическій, напр.:

Ибо Ягве знаетъ путь праведныхъ,
А путь нечестивыхъ погибнетъ (Пс. 1, 6).

3) Параллелизмъ синтетическій; онъ состоитъ въ томъ, что второй членъ добавляетъ или развиваетъ въ другихъ направле-

ніяхъ мысль первого члена, слѣдовательно, этотъ родъ параллелизма является параллелизмомъ лишь по формѣ, но не по содержанію, напр.:

Какъ птица, которая улетѣла изъ своего гнѣзда,
Такъ и человѣкъ, который сдѣлался бѣглецомъ изъ своей родины
(Притчи, 27, 28).

4) Параллелизмъ степенный, суть котораго состоитъ въ слѣдующемъ: первый членъ берется съ неполнымъ выраженіемъ мысли, второй членъ повторяетъ слова перваго и заканчиваетъ мысль, образуя какъ бы слѣдующую ступень лѣстницы; напр.:

Воздайте Ягве, о вы, сыны божіи,
Воздайте Ягве славу и силу (Пс. 29, 1).

Этотъ послѣдній видъ параллелизма есть наиболѣе красивая форма еврейскаго стиха. Онъ примѣненъ въ слѣдующихъ псалмахъ: 29, 92, 93, 94, 96, 113 и въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ пилигримовъ *).

Въ одномъ и томъ же псалмѣ обыкновенно чередуются всѣ виды параллелизма; лишь нѣкоторые псалмы соблюдаютъ въ этомъ отношеніи однообразіе. Кромѣ дистихона, въ псалмахъ не разъ встрѣчаются и другія формы: чередуются заразъ по три, по четыре и даже по пять параллельныхъ стиховъ; послѣднія формы, впрочемъ, крайне рѣдки. Лучшими по стихосложенію псалмами надо признать слѣдующіе: 51, 81, 91 и 103.

Что касается раздѣленія поэтическихъ произведеній на строфы, то въ этомъ отношеніи еврейская поэзія точно также является недоразвившейся. Чуть ли не единственнымъ произведеніемъ съ правильнымъ раздѣленіемъ на строфы является пс. 107. Въ другихъ псалмахъ иногда встрѣчается дѣленіе, лишь приблизительно похожее на строфы. Именно, извѣстное число стиховъ, не всегда равное, перемежается повтореніемъ одного и того же стиха, или группы стиховъ. Это повтореніе (рефренъ) появляется не тамъ, гдѣ оно требуется технически, а тамъ, гдѣ мысль поэта дѣлаетъ естественную паузу. Такимъ образомъ, о строфахъ въ еврейской поэзіи приходится говорить также не въ метрическомъ, а въ логическомъ смыслѣ.

* *
*

*) Примѣры взяты у *Driver'a* (см. литературу).

Мы пришли къ концу. Историко-литературный анализъ псалмовъ открылъ для насъ совершенно новый міръ. Это открытіе есть одна изъ величайшихъ заслугъ критической науки. Но точно такъ же, какъ въ вопросѣ о псалмахъ, историческая критика пришла къ неожиданнымъ открытіямъ почти во всѣхъ остальныхъ вопросахъ исторіи евреевъ и еврейской литературы. Она безпощадно разрушила традиціонные взгляды и предразсудки; первое время казалось, что она все превратила въ развалины, но затѣмъ изъ этихъ развалинъ поднялась живая, одѣтая плотью и кровью, дѣйствительность еврейской старины, совершенно непохожая на созданные еврейской и христіанской схоластической экзегетикой образы. Историческая наука свела исторію Израиля съ неба на землю и замѣнила старые, застывшіе манекены боговъ и пророковъ живыми людьми во всемъ ихъ разнообразіи и индивидуальности. Это побѣдоносное шествіе науки постепенно сметаетъ всѣ остатки стараго схоластическаго богословія; взлелѣянные имъ старые идолы гибнутъ безвозвратно подъ ударами критики, подобно тому, какъ подъ ударами Ягве валились вокругъ цари и боги сосѣднихъ враждебныхъ Іудѣ народовъ. Солнце уже блеститъ, но ночь была длинна; и какъ безсиленъ ночной туманъ побороть прорывающіеся лучи утренняго солнца, такъ же безсильны и всѣ попытки сторонниковъ религіознаго обскурантизма остановить побѣдное шествіе науки, пролагающей путь царю вселенной— человѣческому разуму!

Литература и переводы.

Лучшіе комментаріи къ псалмамъ, съ полнымъ научно-обработаннымъ переводомъ псалмовъ, это комментарій *Baethgen*'а (въ Handkommentar zum A. Test., herausgeg. von *D. W. Nowack*, II. Abth., II. Band), и комментарій *Hupfeld*'а (Die Psalmen, übersetzt und ausgelegt von *Herm. Hupfeld*) въ III изд., переработанномъ тѣмъ же *Nowack*'омъ (2 тома). Комментарій Гупфельда болѣе подробный, но болѣе консервативный; кромѣ того, у Гупфельда общее введеніе изложено крайне кратко. Кромѣ переводовъ, имѣющихся въ указанныхъ комментаріяхъ, слѣдуетъ указать прекрасный переводъ псалмовъ въ нѣмецкомъ научномъ переводѣ Ветхаго Завѣта, вышедшемъ подъ общей редакціей *C. Kautzsch*'а. Прочіе комментаріи и переводы сильно устарѣли.

Общее введеніе къ псалмамъ прекрасно и довольно подробно изложено въ комментаріи Baethgen'а; слѣдуетъ также указать соотвѣтствующую, весьма обстоятельную главу въ Einleitung in die Litteratur des A. T. *Driver*'а. Спеціально вопросу о времени происхожденія псалмовъ посвящена книга *Cheyne*, The origin of the Psalter, но его сужденія отличаются крайней субъективностью.

Литература по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ указана въ примѣчаніяхъ. По остальнымъ вопросамъ, касающимся главнымъ образомъ времени происхожденія отдѣльныхъ псалмовъ и отдѣльныхъ идей псалмовъ литература разбросана по журнальнымъ статьямъ (см. Zeitschrift für alttestam. Wissenschaft и Zeitschrift für protest. Theologie und Kirche). Изданіе оригинальнаго текста псалмовъ лучшее *Wellhausen*'а, въ *P. Haupts*, Sacred books u. s. w.

Примѣчанія.

1) Къ стр. 14. Книги Самуила разсказываютъ исторію израильскихъ племенъ со времени порабощенія ихъ филистимлянами (около 1050 г.), вплоть до смерти Давида, о которой разсказывается уже въ I Царей (около 970). Уже при бѣгломъ знакомствѣ съ кн. Сам. становится ясно, что онѣ составились изъ различныхъ источниковъ, различныхъ по своему характеру и времени происхожденія. На это прежде всего указываютъ попадающіеся въ кн. Сам. параллельные разсказы (напр., три разсказа о поставленіи Саула на царство: 1) I Сам. XI—древнѣйшій разсказъ, безъ участія жреца; 2) I Сам., XI, 1—10, 16—тоже древній разсказъ, но уже вводящій участіе Самуила; 3) I Сам., VIII, X, 17—27, XII—позднѣйшій разсказъ, проводящій уже опредѣленную жреческо-теократическую тенденцію; кромѣ того, ср. разсказы о гоненіи Саула на Давида, гдѣ также встрѣчаются параллельныя мѣста). Въ настоящее время выяснены слѣдующіе основные источники кн. Сам.: а) двѣ традиціи, получившія свое начало на сѣверѣ. Это 1) традиція о Саулѣ, составившаяся въ племени Веніамина, откуда былъ родомъ Саулъ; къ ней принадлежатъ слѣдующія части кн. Сам.: I Сам., IX—X, 16, XIII, XIV; несомнѣнно, что она содержала подробный разсказъ о Саулѣ, но составитель кн. Сам воспользовался только частью ея, такъ какъ для бо́льшей части исторіи правленія Саула онъ пользовался традиціей о Давидѣ; 2) традиція о началѣ филистимскаго ига, составленная въ Ефремовомъ колѣнѣ; она использована въ I Сам., гл. IV, V, VI. б) Двѣ традиціи о Давидѣ: 1) традиція о похожденіяхъ Давида до вступленія на царство, почти народная эпопея, использованная весьма широко, начиная съ I Сам., XVI, 14, (XVI, 14—23; отдѣльныя части гл. XVIII, гл. XX, XXIII—XXV; XXVII—XXXI; II Сам., I, 1—5; 17; II—V, XXI, 15—22);

2) хроника царствованія Давида, составленная въ Іерусалимѣ, особенно интересующаяся семейными дѣлами Давида; она почти безъ перерыва использована во II Сам., VI—XX. Этимъ исчерпываются древнѣйшіе источники I Сам. Остальной матеріалъ распредѣляется между: 1) исторіей Самуила, Саула и Давида, перерабатывающей уже имѣющійся матеріалъ съ ярко выраженной жреческой тенденціей (I Сам., I, II, 11—III, 21; VIII, X, 17—27; XV, XVII; отд. части XVIII, XIX, XXI; XXVI; II Сам., I, 6—16—параллельный разсказъ о смерти Саула) и 2) отдѣльными вставками поэтическихъ мѣстъ (пѣснь Анны, I Сам., II, 1—10; пѣснь Давида, II Сам., I, 17—27). Изъ этихъ вставокъ бросается въ глаза большое, совершенно неорганическое прибавленіе къ II Сам., XXII—XXIV. Оно прерываетъ связный разсказъ о Давидѣ, оканчивающійся въ XXI гл. и непосредственно продолжающійся въ I Цар., I разсказомъ о смерти Давида по первой традиціи о Давидѣ. По-видимому, это добавленіе (содержащее пс. XVIII, послѣднія слова Давида, перечисленіе его героевъ и перепись народа) было вставлено уже послѣ окончательнаго составленія II Сам. и I Цар. I Цар. въ началѣ примыкаетъ къ народной исторіи Давида, затѣмъ продолжаетъ изложеніе по традиціи о Самуилѣ и по исторіи царей израильскихъ и іудейскихъ. I Цар. и въ особенности II Цар. даютъ матеріалъ, сильно переработанный въ духѣ Второзаконія, въ то время, какъ кн. Сам. использываютъ сырой матеріалъ источниковъ, не подвергая его почти никакой переработкѣ. Между переводомъ LXX и еврейскимъ текстомъ кн. Сам. и Царей есть очень крупная разница по нѣкоторымъ главамъ, заключающаяся въ томъ, что еврейскій текстъ содержитъ, сравнительно съ греческимъ, цѣлый рядъ лишнихъ стиховъ.

2) Къ стр. 25. Составъ пятикнижія и время происхожденія отдѣльныхъ его частей опредѣлились окончательно сравнительно недавно, трудами Графа, Велльгаузена, Штаде и Будде. Древнѣйшими частями пятикнижія считаются части, заимствованныя изъ источниковъ *яхвиста* и *элогиста* (различающихся по употребленію собственнаго имени божія—*Яхве*, или нарицательнаго—*elohim*). Къ этой части пятикнижія относятся всѣ древнѣйшіе разсказы о твореніи, раѣ, грѣхопаденіи, потопѣ и построеніи вавилонской башни; затѣмъ, легенды о патріархахъ,

разсказы о пребываніи евреевъ въ Египтѣ и выходѣ оттуда и о дарованіи законодательства на Синаѣ; наконецъ, древнѣйшая законодательная часть пятикнижія—десять заповѣдей и «книга завѣта» (Исх., 20—24; ср. также 34, 14—28). Позднѣйшая часть пятикнижія, такъ называемый *Priestercodex*, составившійся въ эпоху плѣна и послѣ плѣна, отчасти перерабатываетъ старый историческій матеріалъ (ср. параллельные разсказы о первыхъ временахъ и патріархахъ), отчасти даетъ новый матеріалъ. Послѣдній касается, главнымъ образомъ, законодательства о теократическомъ устройствѣ Израиля (Исх.: XXIV, 15—XXXI, 18; XXXIV, 29—XL; Левитъ: вся книга, за исключеніемъ спорныхъ гл. 17—26 [законы о чистотѣ], которыя выдѣляются нѣкоторыми изслѣдователями, какъ самостоятельная, но тоже поздняя часть пятикнижія; Числъ: I, 1—X, 28; XV, XVIII, XIX, XXVI—XXX, XXXIII—XXXVI). Историческая часть Priestercodex'а сразу выдѣляется схематизмомъ, стремленіемъ къ статистическимъ подсчетамъ и хронологическимъ опредѣленіямъ; языкъ бѣдный, изложеніе сухое, лишенное жизни, обращенное въ мертвую формулу. Средняя часть пятикнижія—это Второзаконіе; его ядро—гл. XII—XXVIII, найденное при Іосіи (621 г.); къ книгѣ прибавлено историческое вступленіе (I—XI), пользующееся разсказами ягвиста, и легенда о смерти Моисея (съ вставками древнихъ пѣсенъ — пѣсни Моисея и его благословенія). Изъ тѣхъ же источниковъ составилась кн. Іисуса Навина, такъ что критическая школа чаще употребляетъ теперь терминъ *шестокнижіе*, а не *пятикнижіе*. Изъ спец. работъ лучшія *Wellhausen*'а (Die Composition des Hexateuch) и болѣе новая—*Holzinger*'а (Einleitung in den Hexateuch).

3) Къ стр. 26. Данныя Хроникъ, кн. Езры и Нееміи и литургическихъ добавленій къ псалмамъ являются единственными источниками по вопросу о постановкѣ музыкальной части въ общинѣ второго храма. Детальной обработкѣ эти данныя подвергъ *Bächler* въ статьѣ Zur Geschichte der Tempelmusik und der Tempelpsalmen (въ Zeitschrift f. alttest. Wissenschaft, 1899).

4) Къ стр. 39. Пророчество до плѣна (Осія, Амосъ, Исаія, Іеремія, Аввакумъ, Наумъ, Софонія, Михей) и послѣ плѣна (главные представители—Аггей, Захарія и Малахія) рѣзко раз-

личаются другъ отъ друга. Въ то время, какъ первое проповѣдуетъ соціальную правду и проникнуто этическимъ монотеизмомъ, второе говоритъ о письменномъ законѣ и побуждаетъ іудеевъ скорѣе строить храмъ. Первое—народное, второе—церковное. Переходные типы эпохи плѣна—Іезекіиль и неизвѣстный пророкъ (Второисаія), которому принадлежатъ гл. 40—66 книги прор. Исаіи (за нѣкоторыми исключеніями). Іезекіиль—жрецъ; онъ оплакиваетъ пороки Израиля, но спасеніе видитъ лишь въ организаціи крѣпкой церковной общины, планъ устройства которой онъ подробно излагаетъ въ послѣднихъ главахъ своей книги. Второисаія возводитъ Израиля въ рангъ избраннаго *универсальнымъ* богомъ народа, который страдалъ за грѣхи другихъ народовъ; но за это онъ имѣетъ вѣру въ истиннаго бога и научитъ ей другіе народы, которые должны будутъ ему подчиниться. Его книга излагаетъ, слѣдовательно, отвлеченную идеологію мечтателя-націоналиста, какими классическіе пророки никогда не были. Въ реальности *Іоны* сомнѣваются; всего вѣроятнѣе, это литературный образъ. *Даніилъ* въ евр. канонѣ отнесенъ не къ пророкамъ, а къ третьей части канона. Это произведеніе апокалиптическаго характера, не имѣющее ничего общаго съ пророчествомъ (книга явилась въ 166—165 г.).

5) Къ стр. 59. Цѣлый рядъ псалмовъ, подобно разобраннымъ, изложенъ отъ перваго лица *единственнаго*, а не множественнаго числа. Вопросъ о «я» псалмовъ, т. е. имѣетъ ли это «я» значеніе индивидуальное, или коллективное, разобранъ *Smend'омъ*: Über das Ich der Psalmen, въ Zeitschr. f. altt. Wissenschaft, 1888). Смендъ выразилъ мнѣніе, что взглядъ на псалмы, какъ на продуктъ личнаго творчества, возбуждаетъ большія сомнѣнія; путемъ разбора псалмовъ, гдѣ говорящій субъектъ обозначенъ черезъ «я», Смендъ приходитъ къ заключенію, что «я» есть олицетвореніе общины второго храма; однако, онъ не разрѣшаетъ вопроса о личномъ творчествѣ. Вопросъ, поднятый Смендомъ, возбудилъ оживленную полемику, въ результатѣ которой выяснилось, что «я» псалмовъ, дѣйствительно, приходится въ большинствѣ случаевъ понимать, какъ коллективное; но такой характеръ это «я» получило не преднамѣренно (за исключеніемъ совершенно литургическихъ псалмовъ), а такимъ образомъ, что продукты личнаго творчества

перерабатывались для коллективнаго употребленія, причемъ «я» сохранилось, но индивидуальныя черты стирались, и псаломъ подгонялся подъ общій шаблонъ.

6) Къ стр. 73. Въ русскомъ переводѣ псалмовъ, какъ и во всей библіи, читатель нигдѣ не встрѣтитъ термина Ягве (или даже Іегова). Причина этого заключается въ слѣдующемъ: ко времени перевода ветхозавѣтной литературы на греческій языкъ (т. е. въ II вѣкѣ до Р. Х.), собственное имя божества стало считаться святымъ и неизрѣченнымъ, и потому вездѣ, гдѣ стояла тетраграмма этого имени (jhwh), евреи читали нарицательное имя божіе adonaj (господь). Въ переводѣ LXX, сообразно этому, вездѣ еврейскому jhwh соотвѣтствуетъ κύριος, откуда и въ русскомъ и во всѣхъ остальныхъ церковныхъ переводахъ ветхаго завѣта собственное имя исчезло и замѣнилось: господь, нѣм. Herr, франц. seigneur и т. д. Благодаря этому же, создалось неправильное произношеніе собственнаго имени еврейскаго бога *Іегова*. Какъ извѣстно, еврейскій алфавитъ не имѣетъ гласныхъ; когда, послѣ Р. Х., еврейскіе ученые (масореты) должны были вокализовать (т. е. снабдить значками для гласныхъ) текстъ ветхаго завѣта, такъ какъ произношеніе многихъ словъ стало забываться, они вокализовали тетраграмму jhwh гласными слова adonaj (причемъ *a* должно было перейти въ бѣглое *ă*), и получилось jehowah. Подлинное произношеніе было открыто благодаря указанію блаженнаго Ѳеодорита, который вскользь говоритъ, что евреи называли своего бога Ἰαβέ. Отсюда, было установлено произношеніе Jahweh.

Хронологическій указатель псалмовъ.

Эпоха.	№№ псалмовъ.
Конецъ VIII — начало VII в. до Р. Х.	45.
Эпоха Іосіи (640—609) . . .	18.
VII вѣкъ до Р. Х.	20, 21, 29, 46 (?), 48, 50, 60.
Между 597 — 588 (составлены въ Вавилонѣ, въ первой партіи изгнанниковъ, уведенныхъ въ 597 г.)	42 + 43, 61, 63.
Эпоха вавилонскаго плѣна (586—538)	14, 51, 53, 77, 102, 137.
Не ранѣе 538 — 537 (послѣ указа Кира о возвращеніи)	47.
Не ранѣе 516 (окончаніе второго храма)	24, 93, 95 — 100.
Не ранѣе 440 (эпоха введенія Priestercodex'a Езрою) . .	2, 8, 19, 33, 78, 104.
III вѣкъ	1, 9, 10, 15, 16, 23, 32, 34, 37, 62, 75, 88, 92, 101, 103, 111, 112, 119, 128, 139, 145.
Не ранѣе III вѣка (пѣсни пилигримовъ)	84, 120 — 134.
Не ранѣе II вѣка (литургическіе псалмы)	67, 113 — 117, 135, 136, 146 — 150.
200 — 170	3 — 7, 11 — 13, 17, 22, 25 — 28, 31, 35, 36, 38 — 41, 52, 54 — 58, 64, 69, 70, 91, 94, 109, 140 — 143.
171—165 (эпоха Маккавейскаго возстанія)	44, 59, 74, 79, 80 (?), 83, 89 (?).
165 г.	30, 66, 118.
Послѣ плѣна, но безъ опредѣленной даты	8, 33, 65, 68, 71, 72, 76, 77, 81, 85—88, 86, 90, 105 — 108, 110, 138, 144.
Не позднѣе 100	Завершеніе книги псалмовъ въ ея современномъ составѣ.